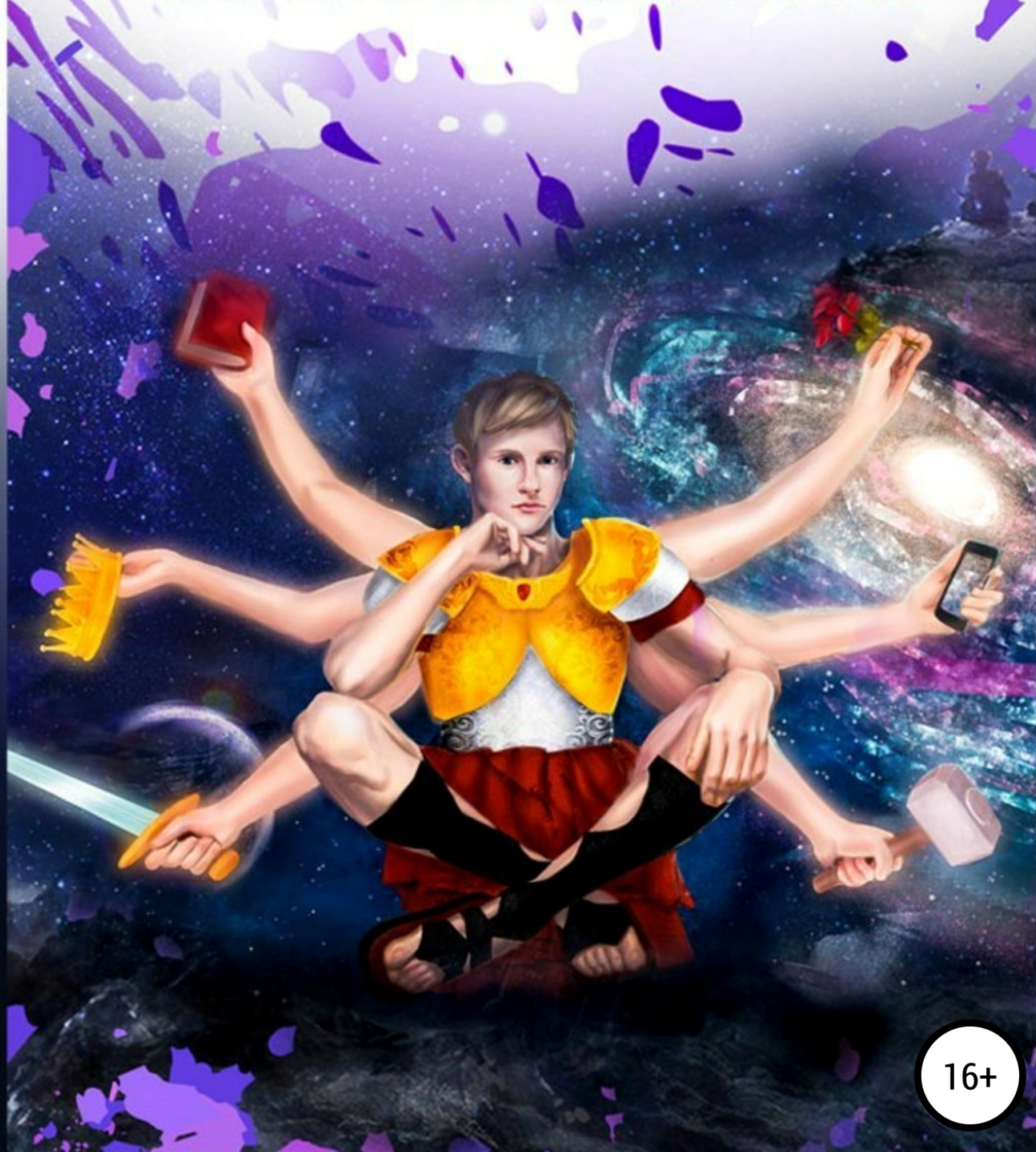

ПЕТР ИНГВИН

ЗИРОПИСЬ

КНИГА 3

Как я был пособием

16+

Зимопись

Петр Ингвин

**Зимопись. Книга третья.
Как я был пособием**

«Автор»

2016

Ингвин П.

Зимопись. Книга третья. Как я был пособием / П. Ингвин —
«Автор», 2016 — (Зимопись)

Носитель традиционных ценностей в условиях альтернативной реальности, книга третья. «Не получается у меня смешивать нужное с желанным, в самый неподходящий момент просыпается совесть и портит обе возможности. Что обидно – потом именно она оказывается права, неоднократно обруганная и посланная в дальний пеший поход...

© Ингвин П., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Часть первая. Один на всех	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	27
Глава 5	34
Часть вторая. Все на одного	43
Глава 1	43
Глава 2	49
Глава 3	53
Глава 4	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Петр Ингвин

Зимопись. Книга третья.

Как я был пособием

Часть первая. Один на всех

Глава 1

Трещали электрические разряды, в ушах тревожно бумкало – как в поезде, но перестук выходил басовито-гулкий и зловещий. Поднявшийся вихрь взмел пакеты и обрывки газет. Мы проявились в родном мире такими же, какими прибыли в страну башен – нагими и беззащитными. Вцепившись в почву всеми конечностями, Тома пряталась между Шуриком и чем-то недовольным дядей Люсиком, я осматривался. Малик медленно распрямился.

– Мне нужна твоя одежда, – грозно объявил он оказавшемуся неподалеку первому встречному.

Похожая на скалу фигура нашего друга нависла над крепким мужичком, каким тот казался себе и окружающим, пока рядом не появился Малик.

Все же, нельзя так грубо. И фразу наш горбоносый пилот явно у кого-то стащил.

О, это же сцена из старого фильма, но теперь с нашим участием. Какая-то пародия, как все в жизни, если сравнивать с кино.

Сон лопнул, как лед на реке, и лениво потек куда-то. Окончательно проснувшись, я обнаружил себя повернутым к дереву, а Варвару – обнявшей меня сзади. Во сне перевернулись. Ладно, во сне не считается. Зато тепло было. Надо бы спасибо сказать. Впрочем, обойдется. Я снял со своей груди ее руку и осторожно высвободился из теплого плена. Мысли о возвращении в далекий дом развеялись, меня с головой утопило в настоящем. Угораздило же оказаться во главе такого гарема. Пятнадцать девок, один я. Некто Сухов вел нечто похожее через пустыню. Я вел через горы. Суть одна: отвечаю за кучу доверившихся неопытных баб. Прошу прощения, молодых и чрезвычайно молодых женщин. Но по уму – баб, где логика рядом не ночевала, а сомнение хоть половником хлебай. Ничего не знают, ничего не умеют, зато – царевны поголовно. Или: царевны, потому и.

В свое время Гомер придумал виртуальную игру вроде компьютерной и резался в нее с наслаждением: осаждал и громил Троя, после чего с трудностями и невероятно прописанными приключениями вел главного героя домой... Думалось ли мне когда-нибудь, что окажусь в роли героя игры-бродилки? Местами – стрелялки. А также стратегии. Всю жизнь я мечтал быть не пешкой, а игроком,двигающим королями и королевами. И вот, получите: участник квеста.

Окончательно высвободившись, я потянулся, отошел в сторонку и несколько раз присел. За приседаниями последовали нагибы в разные стороны, прыжки на месте и, наконец, пробежка вокруг сонного царства. Царевны беспардонно дрыхли, прижавшись друг к другу – носы сопели, ресницы иногда подрагивали, согнутые ноги поджимались к скукожившимся туловищам. Хоть из пушки пали. Может прийти, грохоча латами, целое войско, каждую из царевен связать, покидать штабелем в телегу и увести – они не проснулись бы. Организмы брали свое. Точнее, забирали. Мозгам велели молчать.

Нет, про телегу зря подумалось, телега сюда не доберется. Выйдя на край лесочка, я огляделся по сторонам. Отсюда каменная пустыня предгорья начинала обрастать кустарником,

и чем ниже, тем больше. Вдали волновалась зеленая масса деревьев. Полдня пути – и мы под защитой бескрайнего леса.

Под защитой ли? Там могут быть волки, рыкцари, человолки... да мало ли кто и что еще. Для нас лес опасен своей ежесекундной неожиданностью.

Меня тянуло обратно в горы. Туда не ходят местные, там нет ничего и никого, поэтому спастись нужно именно там. Но сначала надо найти еду. Места здесь мне почти знакомые, со стаей мы однажды проходили чуть ниже.

Вспомнились нескончаемые грядки клубники. Мм-м... К ним идти долго, опасно и, главное, бесполезно, потому как не сезон. Какие овощи и фрукты созревают в декабре, я не знал, тем более – в новом климате и в новом месте, где знакомой кажется в лучшем случае половина флоры. Отчего так – загадка. На родной Земле похожая местность мне неизвестна, как и многие здешние растения. Незнакомы даже по картинкам. Где же мы? Вопрос – пока – ответа не имел.

До сих пор ногти приходилось обгрызать или стачивать о камни, и вот (счастье!) в руках – острейший нож. Я присел между нескольких валунов, в траву полетели срезанные заскорузлые кусочки. После рук настала очередь ног. Вскоре я снова почувствовал себя человеком. Долой наследие звериного царства, человек – звучит гордо! И какой человек. Ну, настоящий полковник. Для полного счастья свой полк осталось накормить. Для начала.

Вспомнились апельсины, которыми мы с Томой и Юлианом так беззаботно кидались недавно. У них-то самый сезон, но именно со стороны известной мне рощи двигались полчища разбойников. Надо искать еще, та роща, наверное, не единственная апельсиновая роща в мире.

Я продолжил обход. Ниже по склону нашлась полянка со съедобными корешками. На шестнадцать рыл – каждому на один зуб, но я собрал все, сколько нашел.

Вернувшись, я сложил добычу около лежанки. Ученицы еще спали. Кажется, их морили не только голодом, но и бессонницей. Или с теми рожами, которые их охраняли, в одном помещении не поспишь.

Длинные Варварины руки занимали освобожденное мной место. Я сделал в уме пометку на будущее: узнать о церемонии посвящения в невесторы, иначе опять попаду впросак. А если меня разоблачат на допросе, все кончится хуже, чем плохо, а мне, скорее всего, предстоит такой допрос. Мы же идем к царице. Точнее, к ее войскам. И Тому, если с ней все в порядке, следует искать там же.

Если.

Настроение ушло в минус.

Подумав, я вновь отправился вниз по склону, теперь еще ниже и во много раз осторожней, чтобы не попасть на глаза никому, кто случайно (или неслучайно) окажется в дальнем лесу.

Глаза не вращались – в одном месте в зелени пробивались оранжевые проблески. Сама собой выделилась слюна, сработал глотательный рефлекс.

Легки на помине. Если передо мной действительно апельсины, спускаться до них по скалистым буеракам несколько часов. Потом еще не заблудиться в лесу, пробираясь без ориентиров. Но – апельсины!

Слева метрах в пятистах перекрывала вид небольшая каменная гряда, за ней просто обязана находиться поляна – с продуваемых мест почву смывает именно в такие естественные низинки. Прежде чем отряд отправится дальше, его нужно накормить, а для этого следует побольше узнать о местности. Может быть, счастье ждет за поворотом. Я направился туда.

Предчувствие не обмануло. В сырой впадине за отрогом обнаружили кустики, на них – длинные плоды, внешне похожие на чурчхелу с солнечного юга, только зеленые. Я надкусил один. Сухо, вязко, противно. Под надорванной толстой кожурой оказались зеленоватые овальчики – жесткие и тоже невкусные. Собственно, в таком виде практически несъедобные. Но

если перетереть их в порошок или попытаться съесть с чем-то в перетертой массе... Инстинкт подсказывал, что найденное мной можно есть. Только как?

Отвык я от людской жизни. Их варят! Передо мной – горошек, бобы или что-то в том же роде. Можно сварить кашу. Наверняка, многое из еденного мной в местной школе сделано из этого растения. Как его назвать – овощ? Ягода?

Взгляд под ноги заставил побелеть. Между кустами почву проминал след – отчетливый, большой, довольно свежий. След сапога.

Я огляделся. Видимость со склона хорошая, нигде никого не видно. След направлялся влево, на запад, куда мы с царевнами двигались все предыдущее время. Кто-то ушел буквально перед нашим приходом сюда. Возможно, его согнали мы. Вчера, в темноте, мы чужих не видели. Но ведь – в темноте. Вот и ответ. Если неизвестный – враг, он мог пойти за подмогой.

Взбудораженный, я обследовал округу еще на несколько сот метров. Итог поисков: чужак был не один. Несколько человек (точное количество я определить не смог) тащили что-то тяжелое, в паре мест на камнях и почве нашлись едва заметные следы волока. И еще один вывод, главный: чужаки ушли ночью. То есть, они нас испугались. Были бы это рыкцари – не прятались бы от сборища малолеток. Может быть, кто-то из разбойников решил вернуться к мирной жизни и спасался теперь от всех – своих и чужих?

Окончательный итог размышлений: чужаки нам неопасны, и они уже далеко. Точка. Я набрал в подол юбки столько местного гороха, сколько смог унести, и двинулся обратно.

Место ночлега потихоньку оживало. Одни девчонки еще спали, вторые сонно выглядывали из лежанки, пытаясь сообразить что где и почему, третьи, вставшие, потягивались и оправляли помятую одежду. Некоторые отходили в сторонку по природной надобности. Варвара искала меня взглядом.

– Что это? – уставилась она на принесенную добычу.

– Еда. – Я подошел чуть бочком, чтобы не шокировать противоположный пол задранной юбкой.

На землю ссыпалась горка пупырчатых полосок весом в пару килограммов.

Варвара подошла ко мне почти вплотную.

– Ты это... – не то со смущением, не то с досадой пробубнила она, приблизив губы к моему уху, – не принимай всерьез то, что было вчера. Я перенервничала.

– Ладно, проехали. Представь мне команду, за которую теперь несешь ответственность.

Как у ребенка, который воображает, что стреляет из пистолета-пулемета, Варварин указательный палец застрочил по ученицам:

– Александра Пелагеина, Клара Ольгина, Кристина Есенина, Амалия Фаинина, Майя Береславина...

– Тпррр. Стоп, пожалуйста, – перебил я. – Память не резиновая.

– Какая?

– Плохая. Давай только имена. Сразу всех не запомню, но хоть что-то останется.

– Представление начать с себя?

Хотелось съязвить, что оно началось еще вчера, но я сдержался.

Варвара стала проговаривать имена медленно и четко, как чтец указа о награждении посмертно:

– Александра, Кристина, Клара, Майя, Амалия, Софья, Анна, Ираида, Марьяна, Антонина, Ефросинья, Ярослава, Любава, Феофания.

– Угу.

У меня закружилась голова. Вернее, в голове закружились имена, сваленные в кучку рядом с другой кучкой, из лиц, и они никак не хотели распределяться попарно. Я попросил:

– Теперь еще раз – только по тем, кто встал.

– Длинноволосая блондинка, которая идет за деревья – Александра. Мелкая, которая только встает...

– Клара, помню. Кудрявую темненькую Кристину тоже знаю. Кто вон та курносая, которая вчера всем помогала, хотя сама еле ноги переставляла?

– Майя. Она из...

– Без подробностей, – взмолился я.

Плотненькая девочка восторженно таращила глазки, пытаюсь вспомнить, каким чудом ее занесло в предгорный лес, а вспомнив – еще больше обрадовалась. Темные волосы за ночь расплелись и рассыпались, одежда смялась, но царевна не обращала внимания. Дескать, это все мелочи, сейчас не до них. Напевая под нос и ритмично покачивая растрепанной головой, царевна Майя вылезла из лиственный-ветвяной перины и с упоением уставилась на задрывшуюся за облака кардиограмму горного массива.

Вчера Майя отлично себя проявила. Побольше бы таких.

– А крупная, примерно моего роста?

В начале июня, когда я сам Варваре, образно выражаясь, в пупок дышал, эта ученица тоже ничем не выделялась. Теперь вот раздалась ввысь и вширь как на дрожжах. Плечам и рукам мог позавидовать кузнец, почти соломенные ярко-желтые волосы чуточку вились и едва достигали объемистых плеч. Густые брови свелись над предметом изучения: царевна рассматривала царепинку на шлеме, который не бросила вчера, несмотря на усталость. Деловитая, основательная, ответственная.

– Антонина, – представила Варвара рослую царевну, в тот момент пытавшуюся затереть царепину рукавом рубашки.

– Позови Майю, Антонину и Кристину, только тихо. Пусть остальные отдыхают.

Вызванные ученицы собрались в течение минуты и расселись вокруг меня на траву: грязные, мятые, стыдливо прикрывавшие пятна на одежде. Давно не мытые головы по-заговорицки вытянулись вперед, приблизившись ко мне. Довольные, что мой выбор остановился на них, девчонки горели жадной деятельностью.

– Мы с вами пойдем в дальний лес за едой, – объявил я. – Возьмите каждая по пустому мешку.

– Оружие брать? – поинтересовалась большая Антонина, серьезно глядя мне в глаза. Без страха. Вдумчивая и предусмотрительная, она просто узнавала, к чему быть готовой.

Хорошие качества для похода. Я похвалил себя за выбор.

– Обязательно. Кто-нибудь из гнука стрелять умеет?

Все отшатнулись, словно я сказал что-то неприличное. Впрочем, да, почти. Гнук – запрещенное оружие.

– Берите мечи. – Я обернулся к Варваре: – Захочется пить – выкопайте ямку в самом сыром месте, будет сочиться вода.

Она непонимающе сомкнула брови:

– Разве я не иду с вами?

– Остаешься за главную. Сидеть тихо, не шуметь, деревьев не валить, костров не разжигать. Появятся чужие – уходите в противоположную от них сторону. Если мы не вернемся до утра, идите на закат, сколько сможете, там повернете на север, к людям, и, если все будет нормально, должны выйти к своим.

– А если вам понадобится помощь?

– За нами не идти ни в коем случае, лучше погибнуть несколькими, чем всем. Если что – я пришлю связную. Или дам знак: на высоких деревьях вон там, на краю леса, вывешу свою рубаху.

– Тогда сразу идти к вам?

Я на миг задумался. Какой сигнал подать, если, наоборот, в нашей стороне – опасность? Костер развести? Дерево свалить? Потребуется время, и кто-то может сделать то же самое случайно. Можно поднять два сигнальных флага. Если уже прячешься на дереве, так сделать легко, но поднимать два при реальной угрозе... нет, при угрозе надо делать простейшее. Меняем.

– Одна тряпка – срочно уходите. Две – идите к нам. Повтори.

– Одна – бежать от, две – шуровать к.

– Отлично.

Моя команда повеселела, Антонина широко и могуче потянулась, курносое личико Майи вскинулось на меня, ожидая приказа. Кристина даже оперлась о землю руками, готовясь вскочить всеми четырьмя конечностями. Кандидатка в стаю, понимаешь. Сам бы так сделал. А ведь только-только начал отвыкать. Приходилось постоянно держать себя в руках и на корню пресекать позывы, которые испугали бы девчонок. Не хватало еще привычно грызнуть с возмущением или обратиться к кому-нибудь кратким «ррр» вместо неимоверно длинной фразы, которую нормальный человек легко понял бы по интонации, позе и мимике.

– Хочу сказать насчет воды, – вернулась Варвара к насущной теме. Начавшие вставать ученицы со вздохом опустили на место. – Она не резиновая.

– Какая? – опешил я.

– Плохая. Ты сам это слово говорил.

Ну, хрен ей в редьку. Еще ляпнет при ком-нибудь, кто в курсе, и останутся от козлика рожки да ножки.

Так странные слова в обиход и прилетали – от нас, прилетевших из будущего. А не остались от прошлого, как упорно думалось, невзирая на объяснения дяди Люсика.

Слова из будущего – еще одно подтверждение, что сейчас мы в прошлом. Тогда вопрос: откуда же у него свое прошлое, что вылезает скрытыми крепостями и косоруками акапалипсами?

Я вернулся в настоящее.

– Добытая вода получится грязной, нужно дать ей отстояться.

– Ее может не быть, – возразила Варвара.

Девчонки закивали, подтверждая.

Носком сапога я ковырнул почву:

– Сыро. Значит, в глубине совсем мокро.

– Мокрая земля – не вода. Лизать ее, что ли?

У меня из горла едва не вырвался вышеупомянутый грык. Комки грязи, вылетевшие из под ударившего в землю каблука, разлетелись в стороны. Один прилип к щеке Варвары.

– Если умираешь от жажды – будешь и лизать, и жевать, и не только, – жестко проговорил я, – а нет – значит, не умираешь!

Девочки съезжились, присмирели. Даже Варвара. Вытершись тыльной стороной ладони, она не проронила ни слова. Кажется, женская интуиция воспринимает телепатию не хуже звериной.

Покончив с пораженческими настроениями, я продолжил спокойнее:

– Возьмите мешок, наберите в него мокрую землю и выкручивайте, пока вода не просочится наружу. Так много раз.

– Тревога! – раздалось с дальней окраины леска.

Похватав оружие, все бросились туда, лица мгновенно перестали быть сонными. Лежак опустел, словно тополиный пух ветром сдуло. Этот пух ошетинился клинками, готовясь продать свою жизнь как можно дороже, а еще лучше – купить максимальное количество чужих.

Остры, однако, глаза у девчонок: в далекой дали по камням что-то быстро несло в нашу сторону – как перекасти-поле или клочья тумана над водой, нисколько не обращая внимания на кажущуюся непроходимость. Сошурившаяся Варвара побледнела:

– Это...

Я кивнул:

– Стая.

Упавшее слово обратило все живое в такой же камень, как скалы вокруг: по горе на пределе видимости двигались чело́волки с добычей. Уйму вооруженных людей, от которых разило немытостью, они учуяли издали и, плавно изменив траекторию, стая ушла верхним отрогом.

В ближайшее время страшного противника можно не опасаться: чело́волкам нужно доставить трофеи в пещеру, а там начнется пир. Новая охота возможна не ранее завтра-послезавтра, и только в случае, если еды окажется мало. А ее, как я видел, хватало. Вряд ли волчатина. Похоже, стая поживилась на месте очередной битвы.

– Отбой тревоги, – объявил я, когда последние движущиеся точки исчезли вдали. – Отдыхайте. Но по сторонам посматривайте.

Мы даже расслабиться не успели.

– А-а! – со страхом и болью донеслось откуда-то справа от меня.

Отдых отменялся. Наступив на ком сухой травы, Кристина теперь торчала над ним в перекособо́ченной позе – нога провалилась по самый верх бедра и застряла в дыре среди камней. Ни туда, ни сюда.

Усилия по вытаскиванию Кристины за руки успехом не увенчались, а ее собственные попытки, связанные с попеременным дерганьем в стороны, едва не повредили ногу. Громкое «Ой!» остановило нашу бурную деятельность. Несколько учениц, толкаясь, принялись раскидывать траву, почву и перекрестно лежавшие, словно специально уложенные таким образом, ветви под ней.

Скальную породу пересекала трещина, она вилась между деревьями, уходя на несколько метров вперед. Кристину угораздило попасть в наиболее узкую часть. Чуть дальше в расщелину поместилась бы не только нога, но и весь человек. Я залез туда, во тьму, пробрался в самую глубину, дал глазам немного привыкнуть и осмотрелся.

Щель как щель, в качестве пещеры использовать нельзя: пролом почти вертикальный, от дождя не укроешься, а дно – череда сплошных острых выступов и углублений. Ни лечь, ни отдохнуть. Впрочем, здесь можно прятаться паре человек – при угрозе жизни, когда дождь и прочие неудобства в расчет не принимаются.

Нога Кристины в грязном кожаном мокасине едва не била меня по макушке. Вот оно что: нужно двигать ее вдоль щели вперед согнутой, тогда выйдет на широкое место. Я осторожно взял пальцами за тонкую щиколотку.

– А-а! – оглушил сверху девичий вопль.

– Кристина, не бойся, свои. – В одно движение я вытянул ее ногу в нужном направлении. – Вот и все.

Обошлось содраным кусочком кожи. Могло быть хуже.

Я исследовал трещину от одного конца до другого и сделал вывод, что пещеркой-щелью активно пользуются. Людям здесь некомфортно, а вещам – в самый раз. На камне виднелись многочисленные потертости и царапины, оставленные опускаемым и поднимаемым грузом. Сейчас чей-то возможный тайник был пуст.

Впрочем, возможно, не пуст. Один камень выделялся едва заметной инородностью – на мой взгляд недавнего чело́волка, привыкшего к жизни среди камней. Я расшатал искусственно вставленный камень и вынул, в глубине обнаружилась выемка, за которой можно спрятать пару мешков золота. Вместо золота здесь ползали мокрицы, а в застоявшемся воздухе, несмотря на сырость, стоял убойный запах чеснока и пота. Кто-то был здесь совсем недавно. Возможно, именно их следы ног и тяжелого груза остались рядом с лагерем.

Попыхтев, я выкарабкался на свет и указал на расщелину.

– Не накрывайте, чтобы еще кто-нибудь не провалился. И хорошо бы огородить торчащими ветками.

После происшествия с Кристиной движения царевен по леску стали намного аккуратнее, теперь они прошупывали ступнями почву, прежде чем перенести вес. Вот и прекрасно, целее будут. И мне спокойнее.

Я вновь собрал команду «фуражиров» – добытчиков пропитания, которые отправятся со мной в лес. Остававшаяся за командира Варвара, естественно, тоже присутствовала, и мои первые распоряжения коснулись именно ее:

– Воду наберите про запас в шлемы, у вас их остается три. Когда отстоится, можно пить. Лучше, конечно, прокипятить, но дым выдаст расположение убежища, а рыкцари опаснее микробов. Напейтесь и наберите воды с собой, возьмем ее в горы. И дров наберите, сколько получится. И сухой травы. Не думаю, что дело дойдет до костра, но если дойдет, нужно быть готовым. Вопросы есть?

Антонина подняла бровь:

– Как ты сказал: рыкцари опасней чем кто?

Мяч ей в ворота и полный стадион зрителей. И мне заодно, поскольку сам виноват.

– Чем другие рыкцари, мелкие и вредные. Не важно. Жду вопросы по существу дела.

– Вдруг вы не вернетесь до утра – просто потому, что задержитесь? – задумчиво ввернула Варвара. – А мы уйдем.

– Тогда отправимся вам на перехват. Постараемся не задерживаться. – Я указал на горку корешков принесенных с утра: – Разделите, поешьте.

Кристина сглотнула. И не она одна.

– Себе мы найдем по дороге, – успокоил я команду. – С вопросами все?

– Какой знак подать, если увидим угрозу вам? – осведомилась Варвара.

Гм. Соображает. Об этом я не подумал.

– Пригните крайнее деревце на пригорке, оно стоит выше остальных, от леса его должно быть видно на фоне скалы. Я буду знать, что к нам кто-то идет.

– Если враг двинется сюда, как сообщить, что мы ушли, а здесь вас ждет засада?

Из-за повязки с пращей я вытащил кремь и протянул его Варваре:

– Запалите собранный хворост, мы увидим дым.

– А если снова туман?

Я пожал плечами:

– Тогда не увидим.

Больше вопросов не возникло.

Непросто быть командиром. Столько мелочей, о которых нужно думать заранее...

Поправив на плече гнук, я повел навьюченную пустыми мешками продовольственную экспедицию в сторону далекого леса. На камни и, особенно, на те места, где их не было, мы наступали осторожно, памятуя о прикрытой расщелине. Склон оказался крутым, дальше понадобилась еще большая осторожность, чтобы не соскользнуть. Я постоянно оглядывался. Спутницы всматривались вперед. Высокое солнце слепило слева, не мешая видеть далеко и отчетливо. Жаль, что это работало и в обратную сторону – мы представляли прекрасную мишень для любого, кто мог поджидать в лесу.

– Съедобно. – Я кивнул на ростки под ногами.

Антонина провела по ним носком сапога:

– Такие сухие и хиленькие...

– Если не голодная, не переводи продукт, оставь другим, – выговорила ей Кристина, собираясь рвать зеленый пучок. Видимо, в плену их кормили только вершками.

Неужели жизнь ничему не научила? Пришлось опять подавать пример. Выдернув похожий на недозрелую морковь белый корень, я тщательно обтер его перед тем, как отправить

в рот. Джентльменский позыв предложить первый кусок дамам мозг безжалостно придушил. Проходили, знаем, помним... пока. Хорошо бы помнить подольше.

Девочки хором захрумкили, дорога пошла веселей. Мой взор метался по сторонам, стремясь уследить за всеми и за окружающей обстановкой, и постоянно обращался назад. Муки командира: почему не пошел всем отрядом, стоило ли разделяться, когда за нами погоня?

От погони мы как-то спаслись, иначе нас уже догнали бы. Зато, если напоремся на разбойников всего лишь вчетвером, остальные спасутся.

– Помните сигналы?

Со мной может что-то случится, тогда сигналить и принимать информацию придется им, оставшимся. Вышагивавшая со мной плечом к плечу Кристина бойко отрапортовала:

– Один флаг – срочно уходите, два – идите к нам. Если кто-то движется в нашу сторону – согнутое деревце. Если лагерю угроза – костер.

– Откуда взять флаг? – спросила Антонина с детской прямоотой.

Единственная из нас в доспехах и шлеме, из-за своей крупности она выглядела самой взрослой. Внешность обманчива.

Я прокашлялся, не зная, как приступить к объяснению. Разговаривая с Варварой, я имел в виду себя, теперь задумался о вариантах.

– Мы решим этот вопрос, – успокоила меня Кристина, переглянувшись с Майей.

Та едва сдерживала смех.

Глава 2

Многие племена индейцев Амазонки не приняли католичества по глупой причине: не могли верить людям, у которых для обозначения зеленого цвета существовало единственное слово. У самих жителей Амазонии – около трехсот. Сейчас все эти триста, а то и больше, оттенков зеленого составляли наш вожденный горизонт, играя дополнительными тысячами нюансов.

После основательной чистки шлем на Антонине сиял как самовар, и я забеспокоился, что блики привлекут чужое внимание. В кино спрятавшегося снайпера зачастую выдавало стекло на оптическом прицеле, а у нас тут целый купол на вершине самоходной башни.

– Вас не учили маскировке?

– Но это некрасиво, – скривилась единственная наша обладательница доспехов.

– Тоня, сейчас главное – безопасность, – поддержали меня Майя и Кристина.

Скрепя сердце, Антонина покрыла предмет спора горстью пыли. Остальной металл на ней был тусклым – к нашему счастью, для приведения себя в полный порядок у нее просто не хватило времени.

К лесу мы вышли примерно за два с половиной часа. Усталость брала свое, у царевен подгибались ноги.

– Сидите здесь, – приказал я, остановившись перед внушавшей благоговение зеленой стеной неизвестности. – Не вернусь через полчаса – бегите назад. Если волки – лезьте на дерево. Если враги – подавайте сигнал и спасайтесь.

– Если обожжетесь – подуйте на пальчик, – продолжила мою тираду Кристина, поигрывая локоном. – Чапа, мы не маленькие.

– Если бы.

На вид – еще можно бы согласиться. Но только на вид. Чувственные симпатяшки с выпирающими свидетельствами взрослости, одна из которых даже обогнала меня ростом, имели полное право не называть себя маленькими. Далеко не дети. Но дело касалось выживания. При встрече с врагом соблазнительные выпуклости не помогут. Если только очаровать, чтобы противник потерял дар речи... но где взять такого врага-эстета, чтоб не мечом рубил или за волосы в плен волок, а издали женской красотой восторгался? Даже Варваре, которая в плане внешней женственности превосходила моих большую, тоненькую и плотную спутниц как плазменный экран лампы кинескопы, не повезло использовать природные козыри на всю катушку. В общем, большой ты или маленький – решают поступки, а не слова. На сем остановимся.

Деревья за спиной сомкнулись. Крадучись и прислушиваясь, я пробежался, где позволяла местность, и продрался, где не позволяла. Впереди, среди лиственного редколесья, действительно сияла оранжевыми точками апельсиновая роща. Не роща, а несколько деревьев, зато в самом соку. Я бросился назад.

Вдруг – запах, чужой, неправильный, что-то напомнивший. Чувства взбурлили, ноги предательски задрожали, захотелось превратиться в невидимку, но меня как раз вынесло в просвет между стволами. Прямо передо мной в такой же оторопелости застыли два мужика, одетые в рубахи, юбки и стоптанные сапоги, в руках – короткие копы, выполнявшие роль посохов. Один чужак был неохватно-крупный, с наивно-добрым лицом несмышленного кутенка, которого невзначай испугали и обидели разом. Он одеревенел у огромного куста в позе вратаря, готового к пенальти. Второй – просто мускулистый, но намного более быстрый. Его копы взлетело в замахе:

– Медленно положи оружие на землю.

Тон шамкающего голоса, выговаривавшего «ж» как «ш», сквозил неприятностями, расстояние до меня было вдвое меньше, чем от Гордеевских бойников в свое время до волчьей

своры, которую такими же копиями вмиг превратили в энтомологическую экспозицию. В аналогичных, как у тех бойников, умениях «немца» (так я окрестил копьеугрожателя за схожий акцент) я почему-то не сомневался, поэтому безропотно сделал, как сказали: отстегнул ремень и скинул перевязь.

– Давай сюда.

Меч и нож нашли новых владельцев. Разглядывая невероятную рукоять ножа, Немец расплылся в улыбке, его открывшийся рот объяснил, откуда взялся акцент: внутри не хватало многих зубов.

Несмотря на то, что здоровяк-напарник держал меня на прицеле, Немец – видимо, для усиления эффекта – поднес к моей шее лезвие моего же ножа:

– Кто такие?

Вон оно как, о нас знают, если вопрос прозвучал во множественном числе. Или меня берут на понт, не зная, кто я и сколько нас?

С ножом у горла врать трудно. Но недоговаривать можно.

– Мы сопровождаем в ближайшую башню нескольких царевен.

– Кто «мы»? Сколько вас?

– А вас?

– Не дерзи. – Клинок вжался в шею, а на ногу мне наступил тяжелый сапог, выдавший лучшие времена.

На рыцарей мужики не похожи. Скорее, на бежавших крепостных. Только от кого бежавших, если здесь, в этой части страны, царит безвластье?

Немец забыл свой предыдущий вопрос, быстро перейдя к следующему:

– Царевны, говоришь? Варфоломеины среди них есть?

– А что?

Между ушами ухало: «Варфоломеины»! Не один я надеюсь узнать судьбу Зарины и, если слухи, как это случается сплошь и рядом, неверны, отыскать ее следы?!

– Ответ неправильный. – Острые процарапало кожу над кадыком, тычок носка сапога в голень усилил впечатление от недовольства собеседника. – О потерянных царевнах что-нибудь слышал?

– Которые из школы? Их и сопровождаю.

– Не о тех, – скривился Немец. – О приемных, бывших ангелах.

Ни фиги себе, оказывается, не о Зарине речь. Откуда такой интерес к нашим с Томой скромным персонам у каких-то крестьян?

– Говорят, одну челоулки съели.

– То есть, – Немец прищурился, наклонив голову, – одна еще жива?

Отвечать не пришлось, из леса к нам неслось пять больших волков – быстро, мощно, в полном молчании. Когда хотят прогнать – лают. Они нападали. И нападали на троих, что не стыковалось с засевающими в мозгу установками. Впрочем, звери – телепаты, они чувствуют состояние людей, по виду и, главное, по запаху определяя взаимоотношения. Мы для них были два против одного. Узнать ответ умозрительной загадки, не придут ли волки на помощь одному против двоих, не хотелось – а вдруг наоборот?

В аховой для себя ситуации мои поимщики сделали правильный выбор. Немец протянул мне нож рукоятью вперед, а под ноги упала кинутая обратно перевязь с мечом:

– Помогай. Отходим.

Я схватил родное оружие, мы вдвоем отступили к кустам. За пышной растительностью обнаружился еще один человек – в такой же одежде, как и мои поимщики. Он с трудом сдерживался, чтобы не стонать. Середину тела покрывала сплошная бинтовка, сквозь нее проступала кровь.

– Волки? – Догадался он по нашему поведению. – Дайте огужие.

Этот не выговаривал «р». Прямо день логопеда какой-то.

Волков мы встретили, выставив клинки по кругу и защищая спинами раненого. Резкая смена ситуации зверей смутила, раздалась удивленные гавки, но набравшая скорость стая не смогла перестроиться. Сшибка произошла в молчании, которое быстро сменилось боем. Каждый из трех клинков достиг цели, а четвертый – в нетвердой руке лежащего – просто отогнал зверюгу, пытавшуюся прорваться понизу. Но пятый волк впился в бедро Немца, добивавшего свою жертву. Я, мечом пригвоздив своего волка к земле и так оставив, ножом прикончил того, что висел на Немце.

– Шпашыбо, – с присвистом вышло из его разбитого рта.

Оставшийся в живых волк сбежал. Немец опустил оружие, веселый взгляд уставился на меня:

– Неплохо.

– Шкуры. – Здоровяк с упоением глядел на убитых зверей. – Сразу четыре.

Лоб Немца сошелся в задумчивости.

– Только быстро, – разрешил он. – Поможешь?

Последнее предназначалось мне. Почему нет, если мы теперь вроде как союзники?

Освеживание в шесть рук прошло быстро. Мясо, для местных жителей ценности не представлявшее, было свалено муравьям в траву, три лучших шкуры отправились в котомку, которая распухла до размеров мешка, а одну шкуру, самую облезлую, Немец протянул мне. Лишний вес мне был не нужен, но я взял, чтобы не вызвать подозрений. мех и кожа в стране башен... хотелось сказать «на вес золота», но золото здесь – просто мягкий металл, не больше.

– Ладно, пацан, сделаем вид, что друг друга не видели. Так лучше для всех.

Медлительный здоровяк поднял лежащего раненого, от обоих слегка повеяло чесноком и потом. Немец, прежде чем прихватить мешок со шкурами, вскинул на плечо еще один вытянутый из кустов мешок, в нем звякнуло, а тяжесть и остро торчащие углы не оставили сомнений: оружие. Или доспехи. Похоже, я встретился с местными мародерами, тоже, как человолки, собравшими жатву на поле боя и теперь с приключениями пытавшимися доставить ее до места назначения. И я узнал не дававший покоя запах – тот самый, из расщелины. Вот откуда мешок. И вот кого мы выгнали из леса своим туда вселением.

Мародеры скрылись среди деревьев. Я бросил шкуру в кусты и заставил себя забыть про мясо. Царевны за одну мысль о нем на месте зарубят, но мысль – не муха, просто так не прогонишь. Тропа вела меня к горам, оставленная позади кучка калорийнейшей пищи быстро удалялась, душа разрывалась. Почему надо голодать, если можно не голодать?!

Потому. Я потряс головой. Труднее всего победить в борьбе с собой. Потому что силы равны.

Глава 3

– Уважаемые дамы, подъем. Хочу угостить вас солнцем.

Кристина, Антонина и Майя впервые увидели апельсины на ветвях, раньше – только на столе, в нарезке или в выжатом жидком виде. Место боя с волками мы обошли стороной, а последние сотни метров, когда яркие оранжевые точки уже просматривались, наша фуражная команда пролетела как на крыльях. Зубы вонзились в брызнувшие фрукты, располовиненные мечами.

– Чапа, сегодня лучший день в моей жизни! – полученораздельно донеслось из чавкающего рта Майи.

– И моей! – поддержала Кристина, засевшая между ветвей так, словно родилась и всю жизнь прожила обезьяной. Лицо и кудри блестели от липкого сока, а Кристина все не могла остановиться.

– Обычный фрукт. – Антонина стойко держалась выбранного стиля общения, но, вопреки сказанному, уминала не меньше приятельниц. У нее текло по подбородку и капало на доспех и под него, впитываясь в рубаху.

Впрочем, так было у всех. И никого не волновало.

Царевны не обратили внимания, что понизу все сорвано, а я, с неприятным холодком на душе, заметил сразу. Здесь, мимо деревьев, проходило много людей, и они очень торопились, иначе, несомненно, потратили бы несколько лишних мгновений, чтобы добраться до лакомств, которые висели выше. Торопились – значит, ушли. Это хорошо. Возможно, незнакомцы убежали от царберов. Это еще лучше. Теперь нам можно если не вздохнуть свободно, то, хотя бы, бояться не так сильно.

И, судя по количеству сорванного, здесь проходили явно не мои знакомцы-мародеры, троим столько за полжизни не съесть.

Сжевав пару сладких шариков, я взялся наполнять мешки. Чувство долга заставило спутниц присоединиться. Их лица блестели пленкой застывшего счастья, глаза сияли. Оттого, наверное, каждая работала за двоих. Примерно через полчаса все четыре мешка были заполнены доверху.

Еда для отряда добыта, вылазка удалась. Удовлетворенно выдохнув, я скомандовал:

– Уходим!

– А можно еще? – взмолилась Майя, уморительно вздернув носик и просительно сложив ладошки. – Ну, Чапочка, ну, миленький...

Один в один – птенчик, требующий еды.

– Ну, еще по три, и сразу уходим, – вынуждено разрешил я на правах родителя, который обязан заботиться о чадах.

– Что она должна потерять? – обеспокоилась Антонина.

Я закатил глаза. Не понимает человек ни юмора, ни нюансов великого и могучего. Такое только принять и простить. И постараться над большой и сильной царевной не подтрунивать, ибо чревато.

Майя прыснула в ладонь и умчалась за новой порцией солнечной мягкости. Антонина обиженно двинулась к другому дереву. Какие же они еще девчонки. Шутки, мысли и желания не вышли за пределы ясельного возраста, а мнят себя воительницами и правительницами.

Я отошел в сторону, оглядываясь и прислушиваясь. Вокруг было спокойно, но когда к купающимся мне, Томе и Юлиану неслышно подобрался враг, тоже было спокойно.

– Чапа, держи!

С дерева Кристина бросила мне, стоявшему на страже, несколько плодов.

Мой кивок с благодарной улыбкой вызвал такую же ответную улыбку и новую бурную деятельность на высоте двух человеческих ростов.

Окрестности вздрогнули от донесшегося с соседнего дерева ликующего вскрика:

– Здесь озеро!

Стоя меж двух крепких ветвей, Майя глядела куда-то в сторону, поднятая ладонь – козырьком, на лице – предвосхищение блаженства.

Три девичьих взора ударили меня, как кнуты непутевого раба – типа, тут не думать, тут действовать надо! Пока еще вменяемый облик царевен (феи за секунду до превращения в фурий) мой привыкший к невербальному общению мозг перевел в конкретное «Не пустишь – забудь, что когда-то мы тебя слушались».

– Время идет, нас ждут, – попробовал я образумить много дней немые создания.

Проще тигра уговорить стать вегетарианцем.

– Если выйти на пять минут позже, все равно успеем к вечеру, а мы обещали вернуться до утра, – рассудительно сообщила Антонина. – Времени полно.

Ее взгляд налился решимостью отстаивать высказанную позицию.

Еще две пары глаз виновато поддержали.

– Уже почти вечер, – попытался я возражать, внутренне понимая, что царевны победили.

Запрещу – меня съедят. С потрохами. В самом деле, пять минут роли не играли, просто придется идти быстрее.

– Бегом, – разрешил я. – Подходите осторожно и посмотрите, чтоб никого не было.

– Спаси-и-ибо!!! – Майя почти свалилась с ветки, бросившись к спрятанной между деревьев луже, которая у местных называется озером.

Не менее радостная Кристина послала мне пылкий воздушный поцелуй и тут же покрылась бурым румянцем, ярко проступившим под желто-оранжевым блеском. Затем, больше не глядя в мою сторону, она тоже скоренько сверзилась с дерева.

– Дожили, – проворчала Антонина, спокойно спускаясь и направляясь к вожделенной воде, – у парня разрешения помыться просим.

Майя вспомнила обо мне:

– А ты? После нас?

– Я о себе не забуду. Давайте быстрее.

– Ой, – донеслось от пытавшейся встать на ноги Кристины. – Больно. Чапа, я кажется...

У нее потекли слезы.

Озеро отменялось. Я подбежал. Был бы врачом, может, что-то увидел бы, осмотрев грязную штанину и мокасину, но, увы, видел просто ногу – миниатюрную и вполне симпатичную, ту самую, что проваливалась в скальную трещину.

– Очень больно?

Последовал краткий кивок. Крестину корежило, но до воплей она не снизошла, прорывались только тихие стоны.

Если ушиб, то пройдет. Как говорил разбойничий лекарь – простой зашиб и растягушка. Лечится временем. Будь я дома, приложил бы лед и прописал неподвижность. А если перелом? Ступня выглядела неестественно, Кристина не могла на нее встать.

Вернулись Майя с Антониной, из-за крика Кристины так и не добравшиеся до воды.

– Что случилось?

– Нужно делать носилки, – сказал я.

– Подвернула? – уточнила Антонина.

– Или сломала, – сказал я. – Разбираешься?

Антонина презрительно сморщилась:

– Меланьиным не нужно разбираться во врачевании, у нас лучшие врачеватели и физики.

– Могла бы чему-то научиться, если под боком хорошая практика, – буркнул я.

Надменно фыркнув, царевна отвернулась. Ее и так напрягало, что приходится подчиняться парню.

– Из чего делать? – поинтересовалась деятельная Майя насчет носилок. На лбу, протертом тыльной стороной ладони, остался грязный развод.

Если не дам девчонкам помыться, ночью они меня придушат. А как теперь мыться? Не до того. Дилемма-с.

– Апельсиновые деревья слишком корявые, – сообщила Антонина, не найдя в пределах видимости ни единой прямой ветви.

– Плодовые деревья в любом случае рубить нельзя, – отрезал я. – Берите мешки, я возьму Кристину. Пронесу, сколько смогу.

– Мешки? Каждая по два? – Антонина состроила недовольную гримасу. – Это невозможно.

– Берите по одному.

Перевесив гнук на плечо Кристины, я опустил на корточки:

– Цепляйся.

Тонкие руки обвили мою шею, основной вес распределился по спине.

Вес – не то слово. Если нести далеко, то да, вес, вообще-то, немаленький, но... до чего же приятный. То, что раздавилось об лопатки, прежде не касалось меня с такой откровенностью. И что же, что через одежду? Дело не в одежде. Когда я носил Тому в стае, одежды не было, но отношение к ситуации было другое. Там командовал инстинкт выживания. Здесь он мирно подремывал, а бодрствовал, к сожалению, его вечный соперник.

Я завел руки назад и, чтобы нести было удобнее, подхватил Кристину снизу под бедра. Пальцы чувствовали, как доверчиво расслабляются ее напряженные мышцы и как удерживающий сверху захват превращается в объятия. Хорошо, что смотреть нужно в другую сторону, прямого взгляда чернокудрой царевны мне сейчас не выдержать. Уши, думаю, уже горят.

– Встаю, – предупредил я, перед тем как подняться на ноги.

Кристина кивнула, что выглядело поглаживанием моего затылка щекой, и это вызвало в организме дополнительный жар. А его и так хватало.

Антонина не преминула фыркнуть:

– Эту двусмысленность обязательно нужно было озвучить?

– Тонька, перестань, Чапа все делает правильно, – донесся звонкий голос Майи. – Он о нас заботится. А ты просто завидуешь. Если бы знала, что возьмут на ручки, то ведь непременно себе тоже что-нибудь сломала бы или подвернула, а?

Антонина высокомерно отвернулась:

– Не мерь других по себе.

И это правильно, подумалось мне. Тащить крупную царевну на закорках вовсе не улыбалось, и дело не в габаритах, несравнимых с Кристиниными, и тем более не в доспехах, из нас четверых имевшихся только у Антонины. Доспехи можно снять, а габариты... Что ни говорили бы, а в них есть некая прелесть. Но одно дело соприкасаться с нежным фронтом Кристины, для которой любое общение со мной в радость, и другое – с вечно недовольной язвительной осой. «Мисс Негатив». С ней я и встал бы не так, и взялся не за то, и подумал не о том. В общем, пожелаем Антонине здоровья, а если не сбудется, то нести ее буду исключительно на носилках.

«Или волочь», – с готовностью подсказал внутренний голос.

«Фу, как не по-джентльменски», – ответил я ему.

«Да, – согласился он, – царевна такого обращения не простит. Лучше сразу закопать».

Пришлось встряхнуть головой, чтобы в нее не лезла всякая дурь.

Сначала я не понял, чем в это время занималась Майя. Высыпав фрукты из четвертого мешка, она разрезала его, а концы привязала к горловинам двух мешков с апельсинами. Полу-

ченную перевязь царица перекинула через плечи, как коромысло, и подняла получившуюся конструкцию, как тяжелоатлет поднимает штангу.

– Куда ты столько, – возмутился я. – Оставь.

– Девочки голодные, – отмахнулась Майя, игнорируя приказ.

Точнее, пожелание, выглядевшее как приказ. Оно было воспринято именно как пожелание, и я вынужденно согласился. Так было лучше для всех. Иначе о репутации командира можно забыть.

Майя пошла первой. Я нес Кристину, замыкала колонну Антонина с одним мешком.

Там, где ровно, все было нормально, то есть терпимо. В буераках Кристина съезжала у меня по спине, заваливаясь в сторону, и мои ладони, сжимавшие ее ноги под коленями, не справлялись с нагрузкой.

– Держись крепче! – говорил я, словно Кристина сама не понимала.

Еще как понимала и, похожая на коалу в ветвях эвкалипта, цеплялась за меня не только руками, но и здоровой ногой. Горячее дыхание опаляло мне ухо. Свисавшие кудряшки щеко-тали лицо.

– Если нести вдвоем, будет легче, но придется бросить еще один мешок, – констатировала Антонина, глядя на изменившиеся деревья вокруг.

Она была права, из тянувшегося вверх молодняка можно сделать удобные носилки, но на изготовление уйдет время, а оно на исходе. Я не останавливался.

В траве под ногами попадалось все больше камней. Кроны шумели. Наши носы сопели и раздувались, с каждой минутой шагать становилось тяжелее, длина шага уменьшалась, пот застилал глаза, капал со лба и щек, пропитывал одежду.

Через какое-то время девочки сдулись, как забытые на много дней воздушные шарик. Ровно державшая спину Майя без сил опустилась на землю. Антонина свой мешок с апельсинами грохнула наземь так, словно там камни. Мешок обиженно чавкнул.

– Оставляем поклажу, – распорядился я. – Позже вернемся сюда за едой и водой.

– Если опять что-то не приключится, – не преминула вставить Антонина.

Мы двинулись дальше. Царицы несли в руках по несколько апельсинов – ни у кого рука не поднялась бросить все.

Хватило нас еще на полчаса. Увидев, что мои ноги заплетаются, Майя с Антониной молча опустили на землю. Я осторожно расположил Кристину рядом.

Неподалеку в лесу раздался хруст. Или показалось? В команде «Тихо!» я приложил палец к губам, взял поданный Кристиной гнук и, неслышно ступая, пошел по кругу среди ближайших деревьев. Потом я сделал большой круг. Девочки застыли испуганными мышками, обнажив и выставив перед собой мечи.

Юлиан давно определил бы на запах, есть опасность или нет. Но Юлиана не было. Был мой нос. Мои глаза. Мои уши. Они все тщательно просканировали. Если хруст, как говорится, имел место, то, скорее всего, он был естественный.

– Отбой тревоги, – сообщил я по возвращении.

Но гнук пока остался под рукой – на всякий случай.

Клинок вернулся в ножны, Кристина вновь принялась маяться с приподнятой и удерживаемой на весу ступней, Майя вытянула ноги и, прикрыв глаза, откинулась спиной на ствол дерева. Присевшая на бугорок Антонина задумчиво теребила рукоять меча.

– Взавшего в руки запрещенное оружие ждет смерть, – с отсутствующим взглядом заявила она.

Я объяснил:

– Если применю, то исключительно против врагов.

Рано обрадовался.

– В любом случае произошло нарушение закона, – спокойно проговорила крупная царевна.

Не желая встречаться взглядом, она сняла шлем и стала начищать узорчатый металл пучком сухой травы. Высвобожденные волосы красиво упали на защищенные бронзой плечи и заключили лицо в светлую рамку. Густые брови сурово сошлись на переносице. Вид хмурой царевны вызывал в памяти сцены из фильмов про женщин-рыцарей, между схватками коровавших время с недостойными их клинка рубаками-мужчинами, вечно непонимающими, с кем имеют дело.

– Тоня, если на нас нападут, – сказала ей Кристина, – мы будем защищаться от врага его же оружием, иначе нас перестреляют.

– Все равно это нарушение закона, а преступивший закон сознательно ставит себя вне общества – общество обязано ответить тем же.

Кто бы мне сказал, что попадусь в свои же сети. Однажды я так погубил Гордея. Теперь по макушку наполненная самомнением зазнайка хочет угробить меня. И ведь угробит, сто процентов. Потому что закон, каким бы дурацким ни был, на ее стороне.

Кристина занервничала:

– Тоня, ты с ума сошла?! Чапа и его гнук – наш единственный шанс выжить!

– Заповедь гласит: соблюдай закон, – стояла на своем Антонина. Ее натиравшая шлем рука словно сдирала кожу с вероятного противника. – В заповеди нет оговорок. Любая поправка – кощунство, надругательство над законом.

– Самозащита не может быть преступлением! – не выдержала Кристина.

Она даже забыла о боли в ноге.

– Закон справедлив, когда он выполняется, – процитировала Антонина школьную молитву, – всегда и всеми, наперекор всему. Вот высшая мудрость.

Кристинин взгляд посерел и похоронил меня заживо. Майя хотела что-то сказать в попытке вразумить, но Антонина вдруг встала, надела шлем, что как бы добавило солидности тому, что происходило, и произнесла формулу, после которой ничто не может остаться прежним:

– Говорю! Наш временный командир Чапа – преступник. Его назначила ангел Тома, которая позволила ему взять в руки запретное оружие и командовать царевнами, посему она тоже нарушительница закона. Каким-то обманным путем коварная Тома растопила сердце доблестной Варфоломеи и заставила цариссу удочерить ее. Затем произошли странные события. На школу совершено нападение, перед которым кого-то внутри школы о чем-то предупредили вывешенным флагом с треугольниками. Затем царисса Варфоломея с семьей погибает, а единственной наследницей остается новоявленная царевна Тома. Уже здесь стоило бы задуматься. Но никому нет дела, каждый за себя. А Тома, которая, насмехаясь над традициями, даже ходит в мужской одежде, продолжает хохотать нам в лицо!

Антонина распалилась в пламенном негодовании. Щеки порозовели, маленькие глазки под густыми бровями прожигали насквозь. Откуда в этом чердаке под шлемом столько зависти и мстительности? Неужели царевна верит в то, что произносит?!

Она верила. И пыталась уверить других.

– Не достигнув необходимого возраста, – продолжила Антонина, – но зная при этом, что несправедливые действия спишутся на ангельское происхождение и останутся без последствий, Тома обзавелась двумя невесторами неизвестной породы, из числа то ли чертей, то ли чужаков-людоедов. Одного она поставила нам командиром. Он с первой минуты плюет на закон, запрещающий брать в руки гнук, и даже бравирует своей преступной дерзостью. Это неслыханно. Я сообщу о нарушении закона немедленно, как только мы спасемся.

Не «как только», а «если», подумалось мне. И учитывая происходящее...

– Тоня, как ты можешь?! – Кристина вытянула больную ногу перед собой и оперлась сбоку на утонувшую в траве ладонь. – Еще издеваешься: «как только спасемся». Кто нас спасет? Сами? Ты даже еды сама добыть не можешь. Из пещеры от смерти и многого другого нас спасла Тома, а сейчас спасает ее друг Чапа. Сказано: не враждуй на сестру свою в сердце своем...

– ...И обличи ближнюю свою, и не понесешь греха, – с удовольствием закончила фразу Антонина. – Вот! Знание о преступлении и недонесение не менее преступны, чем само преступление.

– Ближнюю свою! – уцепился я за соломинку. – Не ближнего. Я – мужчина.

– Под ближней имеется в виду...

– Говорю! – громко перебил я. – Обвиняю Антонину, как там тебя...

– Меланьину, – напомнила Кристина позабытую мной фамилию.

– ...В корыстной трактовке и собственных толкованиях буквы закона!

– Это неправда! – Антонина побелела.

– В присутствии свидетелей Кристины Есениной и Майи...

– Береславиной, – быстро подсказала курносая царевна.

– Береславиной, – повторил я, – также обвиняю Антонину Меланьину в том, что зная о ношении мной гнука с целью самообороны и защиты жизней учениц школы, она не менее преступно покрывала с ее точки зрения возможное, как она его теперь называет, преступление в течение двух суток, пока считала эту самооборону защитой себе самой. Когда она поняла, что спаслась, решила обвинить других в том, что они делали не только возможное, но и невозможное для ее спасения, рискуя своими жизнями ради спасения ее жизни. Ответ, ты знала, что я спасал тебя из плена рыкцарей с помощью гнука?

Антонина окаменела под моим взглядом.

– Ну...

– Да или нет?

– Я не присматривалась...

– Прошу свидетелей заметить, – ликующе заострил я внимание, – обвиняемая пытается солгать в свое оправдание. Гнук в моих руках не заметить было нельзя, с его помощью я освободил всех, он был на мне с первой минуты до нынешней. А как же заповедь седьмая – не произноси ложного свидетельства? Так видела ты гнук с момента освобождения, Антонина Меланьина, или нет? Как думаешь, что по этому поводу скажут еще двенадцать свидетельниц?

– Видела, – вылепила Антонина мертвецки-бледными губами.

Я смягчил тон:

– Прошу отметить – обвиняемая призналась сама, без давления, при свидетелях. Довольно долго, в течение двух суток, совесть обвиняемой была спокойна. Некого нарушения закона, если оно осуществлялось на благо самой обвиняемой, она не замечала. Значит, нарушения закона не было, иначе его заметили бы все. Но пятнадцать носительниц высоких фамилий, которых можно опросить в любую минуту, видели только самозащиту. Теперь обвиняемая пытается оклеветать присутствующего здесь спасителя и даже отсутствующую спасительницу, которая не имеет возможности сказать слово в свое оправдание. Но сказано: соблюдайте все уставы и все законы вам данные, исполняйте их – и не свергнет вас земля, которую вам дали жить. Да постигнет кара разрушителей и да возрадуются созидатели. И да воздастся справедливым. Алле хвала!

Хорошо же нам в школе вдолбили эти молитвы.

– Алле хвала! – в два голоса поддержали меня Кристина и Майя.

Антонина села на землю, ее остановившийся взгляд смотрел внутрь.

– Ты отказываешься славить Аллу-всесвидетельницу, да простит Она нас и примет? – снова закипятился я.

– Нет, что ты! Алле хвала! – раздался мгновенный выкрик.

Я повернулся к Майе и Кристине:

– Как думаете, рассказывать ли о нынешнем недоразумении, когда попадем к царберам?

Первой обрела речь Майя.

– Думаю, не надо.

Кристина все еще не верила глазам. Глядя на живого меня, прыгнувшего за порог смерти и назло всем выпрыгнувшего обратно, она просто кивнула.

– Вот и ладушки, – в тридцать два зуба улыбнулся я. – Забыли. Но если кто-то напомним...

– Никогда, – испуганно проговорила Антонина.

Я облегченно выдохнул.

Сверху сквозь кроны кое-где пробивалось темнеющее небо. До ночи не дойдем. Через час стемнеет окончательно, а нам полчаса-час только до сигнального места. Если бы мы шли пустыми...

Пронзило спицей в задницу вплоть до мозга: что мы, вообще, делаем?! Зачем идти из места, где есть вода, еда и укрывающий лес и откуда враг уже ушел, на прежнее открытое место?

Вот что значит быть командиром. Все надеются, что он самый умный, а он только думает, что самый умный. Жизнь все расставляет по местам.

– Антонина, – позвал я.

Она посмотрела на меня одновременно испуганно-покорно и уничижительно-надменно, как обнищавший герцог на нувориша. С тем же уровнем послушания и доверия.

– Нет. – Я передумал. – Майя. Ты вроде бы лазишь хорошо. Надо вывесить сигнал, чтобы все шли к нам.

– Две вещи, – не преминула напомнить пришедшая в себя Антонина.

Едко так намекнула, что у Майи их всего две – рубашка и штаны.

– Мы будем ждать здесь. – Я одновременно передал информацию и как бы сообщил, что, дескать, не парься, никто тебя не увидит. – Вывесить лучше на палках, как можно выше, над любым деревом, которое видно из леска на горе. Там следят. Подашь сигнал, и сразу возвращайся.

Вставшая и замершая в таком положении Майя хлопнула ресницами:

– А если на обратном пути заблужусь?

– Тогда сначала выйди из леса и поднимайся в гору, пока не откроется вид сверху, затем разворачивайся и иди на оранжевое.

Майя все же сомневалась.

– Мне стоило бы, конечно, пойти самому, но... – Я показал на обездвиженную Кристину. Самостоятельно ей даже не привалиться к дереву, где недавно сидела Майя. – Если что-то произойдет...

А произойти может что угодно, в чем все не раз убеждались.

Несчастная Мисс Кудряшка не сводила с меня глаз. То ли тоже не хотела оставаться в лесу наедине со сварливой напарницей, то ли по другой причине – кто их, девчонок, знает? Всегда смотрят так, чтобы мы горы сворачивали и цветы дарили. Если б я что-то понимал в девичьих капризах – давно ходил бы в кино и на другие развлечения не с Томой, а в более интересной компании. А я ходил с Томой. В общем, это теперь, после всего, что случилось в последнее время, я, как надеюсь, стал таким умным (что, конечно же, совсем не факт, а желаемое, выдаваемое за действительное), потому что жизнь бурлит и каждый день дает новые знания. Но дает не по всем направлениям. Если в людях в целом разбираться стало проще, то девушки для меня по-прежнему оставались тайной за семью (или сколько их там) печатями. Мудрые люди говорили: «Всему свое время». Надеюсь, они говорили правду.

Майя оценила ситуацию правильно.

– Понимаю. – Ее курносое лицо, серьезное и собранное, дернулось в решительном кивке. – Сделаю. Можно взять апельсинов?

– Сколько хочешь.

Майя ушла. Оглядевшись, я взялся заготавливать лапник. Антонина состроила недовольную гримасу: мол, не барское дело... но подключилась. Пока мы в походе, она будет подчиняться, а затем мне лучше держаться от нее подальше.

Лежанка получилась уютная. Приняв Кристину под плечи и колени, я осторожно перенес ее на лиственный-ветвяное ложе. Антонина, покосившись на соседку со странной завистью, бухнулась рядом.

Темнело. Майи не было.

– Все же заблудилась, – спокойно констатировала Антонина.

Кристина испуганно моргнула:

– Пойдешь искать?

– Придется. Антонина, сможешь поднять Кристину на дерево, если появятся волки?

– Легко.

Не то, чтобы легко, но определенно сможет. Я кивнул.

– Тогда спите, но по очереди. Найду Майю и вернусь.

– Сам не заблудишься? – хмыкнула Антонина.

– Если не вернусь, отъедайтесь апельсинами и ждите кого-нибудь.

– Кого-нибудь? – в глазах у обеих мелькнул страх.

– Варвара приведет остальных, но я уверен, что приду сюда первым.

Тоже прихватив с собой апельсинов, я отправился в сторону гор. Совсем стемнело. Майя должна была где-то укрыться, нельзя в одиночку ходить по лесу ночью. Даже мне. Но мне нужно.

Через некоторое время я сбавил ход и стал озираться. След потерялся. Майю что-то остановило или заставило уклониться. Или...

Насчет последнего «или» думать не хотелось.

Наконец, я вышел на опушку. Впереди вверх уходила гора, с которой мы спускались, в облачной дымке проступал лишь силуэт. Рассеянный лунный свет позволял видеть с трудом, только рядом и только контрастное. Я вышел на пригорок, как советовал Майе, и оглянулся. Раскинувшийся до горизонта лес чернел опасным морем, в котором водились хищники – разноразмерные акулы и прочие барракуды. Я же – обычный окунь. Куда лезу?

Куда надо. Не будь на свете рыбешек вроде меня, акулы давно пожрали бы всех, а потом друг друга, выясняя, кто акулистее.

Стоп, а это что? Я соорудил из двух кулаков подобие подзорной трубы, отсеяв ненужное и сосредоточившись на одной точке. Тряпка на дереве. Или две? Не видно. Зато видно где. Меня бросило вперед, к обнаруженной цели, к месту, где, возможно, что-то произошло и сейчас требовалась помощь. Например, если Майя упала с дерева и не может подняться...

Камни, трава, кусты – все желало уколоть, подсечь, уронить, поймать глубокой ловушкой или сбить скользкой. Мне безумно везло. Или опыт сказывался, не зря же столько времени в стае своим считали. Почти не разбирая дороги, за пять минут я домчался до нужного дерева, но подходил к нему аккуратно, стараясь не напугать царевну, если она там.

Ее не было. Я сделал несколько все увеличивавшихся кругов, каждому кусту выказывалось пристальное внимание, ветви раздвигались, заросли высокой травы прочесывались с тщательностью сыщика, который сдает экзамен на соответствие должности.

Ничего. Точнее, никого. Чужого присутствия тоже не отметились. Следы читались плохо, мешала тьма, но жизнь в челоуолках научила многому. Тело, вспомнившее звериное прошлое, опустилось на четвереньки и принялось вынюхивать и высматривать. Я отходил и вновь возвращался. Чувства подсказывали, что Майя не ушла далеко. То есть, что она вообще не ушла.

Слух это подтвердил, тихое сопение донеслось из-под дерева неподалеку.

– Майя! – шепотом позвал я.

В ответ – тишина. Либо царевна крепко спит, либо... это не Майя.

Сорвав со спины гнук, я направил оружие на кучу веток, где кто-то прятался. Шаг. Еще шаг. Совсем близко. Ступней я аккуратно разворошил верхний слой листьев.

Все-таки Майя. Она беззаветно дрыхла – уставшая, намучившаяся, укрывшаяся лапником. Обе вещи честно вывешены на жерди над самым высоким деревом, а логово царевна соорудила себе чуть в стороне, чтобы убежать, если к сигнальным флагам придут чужие. Похоже, она так устала, что, едва коснувшись земли головой, как говорится, отрубилась, как приговоренный к смерти на плахе после финальной встречи с топором.

Стараясь не шуметь, я стянул с себя кожано-ременной доспех, за ним последовала рубаха. Вернув защитную сбрую на голый торс, рубаху я положил около спящей царевны.

– Майя!

Вылетевший из листвы меч уткнулся острием мне в грудь.

– Не подходи! – зашипела Майя. – Убью! Ой, это ты, Чапа? А мне подумалось...

– Надень. – Я мотнул подбородком на придвинутую рубаху и отвернулся.

Сзади зашуршало.

– Почему не вернулась?

– Рыкцари, трое, – Майя сбивчиво рассказывала, возясь в куче веток и пытая от усердия, – с запада, вдоль леса. Не скрываясь. С горы их тоже должны были видеть.

В моей рубахе она выглядела сбежавшим из лечебницы психом. Рукава связать – и полная картина. Руки утонули внутри рубахи, не видно даже пальцев. Подол, который я дважды обрывал на перевязки, доходил царевне до середины бедер. Зато нос гордо вздернут, а глаза светились радостью: отныне не одна, и теперь ничего не страшно.

– Дождалась, пока пройдут, – продолжила Майя, встав рядом со мной и сонно потягиваясь. – Потом разместила флаги, уже во тьме. Чтобы утром сразу увидели. И легла в стороне, на всякий случай.

– Молодец.

Возвращаться к Кристине и Антонине по темноте нет смысла, часа через три будет рассвет. Майя думала о том же.

– Ложись. – Она показала на свою лежанку. – Как ты говорил: один индеец под одеялом замерзает, два индейца под одеялом не замерзают.

Я становлюсь просто кладезем необычных слов для нового мира. Надо это дело прекращать, добром не кончится.

– Опасно, – сказал я, пробежавшись взором по спальному месту царевны.

Майя обиженно сжалась:

– Но я же спала?

– А если волки?

Мне был продемонстрирован обнаженный меч.

– Несерьезно, – возразил я, для примера сделав несколько практически бесшумных шагов вокруг. – Я подошел легко, другие тоже смогут.

«Что же делать?» – читалось в блестящих глазах Майи.

– Когда скажу – подашь ветки и листья с лежанки. – Под деревом с флагами я оттолкнулся ногами от земли, руками ухватился за широкую ветвь, подтянулся и влез наверх.

Теперь надо вспомнить, с чего начинал Юлиан, когда плел гнездо. Дерево выглядело подходящим. Надломив толстые ветви, я стал переплетать их с мелкими, и, с мольбой, чтобы все получилось, через некоторое время осторожно опробовал дырчатое сооружение собой. Держит!

Затем Майя передавала листовные охапки, и совершенные мной несколько ходок вверх-вниз хоть и вымотали, но привели к желанному результату.

– Хватит, – объявил я. – Лезь сюда.

Все же, листы оказалось недостаточно, остальное мы добавили, нарвав над собой. Гнездо вышло корявым, но жизнеспособным.

– Теперь ложись, – пригласил я.

Места для двоих хватило впритирочку. Мы обнялись, грея друг друга. По-другому никак. С удовольствием поворочавшись, Майя хихикнула:

– Два индейца?

Плотно сбитая, мелкая, она утонула в гнезде, опутанная мной как паутиной.

– Дались тебе эти индейцы, – нахмурился я.

Ночная напарница растеряла былой сон, теперь она не только не боялась, а получала удовольствие от раскачивания самодельного ложа во многих метрах над землей. Наивная маленькая дурочка. Я бы не доверял ни скрипучей небесной конструкции, ни странному соседу, который непонятно откуда взялся и с которым царевна оказалась в столь тесной компании. Но это я. Она была другой. Доверие к моей особе и всему, что я делал, почему-то зашкаливало.

– Вы с Томой помолвлены? – донесся тихий вопрос из района моей подмышки.

Рот уже открылся сказать «да», но мозги коротнуло.

– Ты о церемонии? – осведомился я как можно спокойнее, словно зная, о чем говорю.

Догадки уже появились. Невестор – жених. Варвара заявляла о моей нелегитимности в этом звании – значит, необходимо соблюсти некий ритуал. Осталось узнать какой и не выдать себя незнанием.

– Ну да. – Майя завожилась в моих руках. – Ты официальный невестор или только объявленный?

– Я... это...

– Вы же познакомились только недавно, в горах?

Выходит, большой церемонии с родственниками и свидетелями у нас с Томой быть не могло. Сейчас меня выведут на чистую воду. Я решился:

– С какого момента человек становится официальным невестором?

– С официальной помолвки, – пожала плечами Майя.

Была не была.

– Как она проходит?

В моем любопытстве царевна не заметила ничего странного. Она хотела помочь, желание помощи вытеснило подозрительность. Да и как подозревать того, кто тебя постоянно спасает?

– Церемония проходит в храме, после выяснения всех деталей, мотивов и родословных. В крайнем случае, в башне, но обязательно в присутствии сестриссы.

– Скоро это произойдет, – как бы успокоил я, закрывая тему. – Выйдем к людям, встретимся с Томой и тогда...

Майя резко повернулась ко мне:

– Пока ты лишь объявленный невестор, никакие права на тебя не распространяются. Можешь меня поцеловать!

Засиявшие глазки закрылись, губки выпятились.

Мой палец нажал на них, возвращая в исходное положение.

– Я поцелую только любимую.

– Ты так любишь Тому?

Кхм. Не стоило объяснять, что любимая и Тома – два разных человека.

– Очень люблю, – кивнул я, – как сестру!

Майя устремила в небо, бывшее где-то сверху, над темной кроной, затуманенный чувственный взор:

- Как здорово. А нам говорят, что выбирать нужно умом.
- Если выбирать, то да, умом. А сердце – оно не спрашивает.

Глава 4

Странно было обнаружить чужие волосы, щекочущие голую грудь, и сопящий вздернутый носик на своем плече. Я закрыл глаза, все вспомнил и вновь открыл, поскольку первое, что пришло в голову, когда очнулся: снова в стае. Не было драки с восхотевшим Томы вожаком, не было ухода, и Смотрик на всю жизнь остался Смотриком. Как не было и тонущего посреди Урала теплохода «Чапаев» с командой из пятнадцати штук царевен...

Я еще раз моргнул и окончательно пришел в себя. Приснившееся отцепилось от реальности и исчезло, осталась суровая действительность.

Рассвело, сигналы должны быть видны. Я осторожно высвободился из-под спящей напарницы. Ее мохнатые бровки мелко подрагивали, закрытые веки что-то кому-то передавали во сне азбукой Морзе, периодически резко сжимаясь. Мягкие губы Майи проплывали что-то нечленораздельное, когда я сел вертикально, механически поправив на ней рубаху. Пусть досматривает сон, а я погляжу, как дела на горе. Идут ли. Или...

Нет, даже не думать о других вариантах.

Гор с нашего дерева не видно, мешали соседние. Пришлось слезть. Я вышел на опушку. Лучи утреннего подымавшегося солнца мощно высвечивали и подчеркивали каждую подробность местности на километры вперед. От непривычной яркости приходилось даже морщиться. Я вгляделся... и в следующий миг обнаружил себя несущимся к сигнальному дереву. Оно качнулось под моим взлетевшим по стволу телом, растревожив Майю.

– Рыцари?!

– Хуже. – Пробравшись по ветвям кверху, я сорвал флаги и кинул позеленевшей от страха царевне. – Одевайся!

Висячая конструкция трещала под ней, грозя развалиться. Майю трясло, ноги не попадали в штанины, а когда попали и царевна попыталась встать, чтоб натянуть дальше, то провалилась ступней в дыру между ветвями. Майя до крови закусил губу, в глазах стояли слезы.

Жестко обхватив ее одной рукой – другая держалась за ствол – я приподнял царевну, позволив быстро закончить начатое. Как она ни торопилась, а надела только свои штаны, рубаха на ней осталась моя.

– Не успеваем. Ложись. И ни звука!

Я накрыл Майю своим телом и, как паук добычу, полностью оплел собой, стараясь занять как можно меньше места. Нас не должны увидеть, иначе – смерть. Страшная смерть.

Вместе со мной Майя наблюдала сквозь щели гнезда, как в лес втягивалась стая чело-волков.

– Тсс! – Я смял ладонью губы Майи, когда ее рот непроизвольно отворился, а расширившиеся от ужаса глаза хотели выплеснуться эмоцией. Мои локти и колени сжали напрягшееся тельце соседки почти до хруста. Майя этого даже не заметила.

Голые четвероногие создания направлялись прямо к нам. Минуту назад с опушки я увидел их не меньше десятка, несшихся под уклон с добычей под животом. Они спускались из леска, где ночевали ученицы. То, что тащила с собой стая, мозг отказывался воспринимать и озвучивать даже в режиме «про себя».

От нас с царевной пахло как от бомжей. Одним лишь потно-сальным амбре можно травить крыс, не говоря о других составляющих многодневного отсутствия воды. Если нас не увидят, то учуют. Нужно готовиться в обороне, которая, как известно, – отсроченная смерть. Но нападать самим – еще большее безумие. Кто-кто, а я знаю чело-волков в бою.

Дешево не продадимся. И девчонку живой им не отдам. Она заслуживает легкой смерти. Человеческой.

Мы с Майей посмотрели друг на друга. Ее билa крупная дрожь. Я нащупал и вставил в ее ладонь рукоять меча:

– Если меня...

Она отрицательно затрясла головой. Не хотела умирать. Тем более, не хотела умирать так жутко.

Страх и ужас. Последние чувства. Нехорошо. Пусть на том свете, если он есть, Майя вспомнит последний миг жизни не только как самый худший.

– А знаешь... – Я впился жестким поцелуем в дрогнувшие и тут же расслабившиеся губы.

Царевна все поняла и ответила. Поплыл окружающий мир, свернувшись в трубочку. С одной стороны трубочку подожгли, со второй намочили. Сквозь трубочку плюнули косточкой, попали в мозг. В ушах зазвенело. В страхе смерти и желании жизни закрылись глаза, щеки в ладонях превратились в жидкий огонь.

Влажный сочный рот оказался безумно вкусным. И невероятно сладким.

– Кажется, там кто-то есть, – раздалось внизу громко и отчетливо.

– Где?

– Вон, двое. Они целуются!

– Кто?! – Я узнал голос Варвары. – Я видела рубашку и штаны, здесь должна быть только кто-то из девочек.

– Но их двое!

– Смотрите, там уголок гнука торчит!

– А-ааа!!! – в тот же миг разнеслось по лесу.

Подхватывая вещи, которые принесли с собой, раздетые ученицы прыснули во все стороны.

Оторвавшись друг от друга, мы с Майей обалдело глядели, как внизу мелькали спины, ноги, пятки. На секунду установилась тишина.

– Слезайте, голубки, – раздался чуть сбоку голос Варвары, с интересом разглядывавшей наше логово.

– У вас есть голуби? – удивленно шепнул я случайной сообщнице.

– Кто это?

– Что-то из разряда нерезиновых индейцев. Забудь.

Майя спустилась первой. Я подхватил забытую ею рубаху и, прыгая с ветки на ветку, тоже быстро соскочил вниз.

Нас насмешливо оглядела ничего не стеснявшаяся Варвара, одевавшаяся прямо под деревом.

– Хороши. Майя в Чапиной рубашке, и только юбка на Чапе, за которым так любопытно наблюдать, когда он слазит с высокого дерева. Вы почему в таком виде?

Покрасневшая до кончиков волос Майя открыла рот, я перебил:

– А вы почему в таком виде?

Начальственный тон подействовал. Варвара вспомнила о временно установленной субординации.

– Вечером с запада на восток прошло трое рыкцарей, – сообщила Варвара. – Утром они возвращались с востока по склону горы – той дорогой, которой вчера пришли мы. В то же время еще несколько разбойников показались на западе, тоже высоко, путь нам оставался только вниз. Мы увидели ваш сигнал. Я подумала: рыкцари ищут девочек, а челоуолков боятся. Почему не пустить пыль в глаза?

– Умница! – воскликнул я.

– Вообще-то, идея про стаю была моя, – раздалось сбоку.

К нам потихоньку подтягивались ученицы, принявшие обычный цивилизованный вид. Некоторые смущенно опускали лица, другие, наоборот, глядели с вызовом.

Царевна, чью мысль присвоила Варвара, смотрела укоризненно. Прямой взгляд был смел и говорил о решимости всегда стоять на страже справедливости. Не склонное к полноте тело прекрасно уживалось с пухлыми щечками, которые не ввалились даже в плену. Отчекрыженное ножом каре темных волос заканчивалось чуть ниже ушей. Молодец. Не все рискнули в плену драгоценными локонами, продолжая мучиться с ними.

– Амалия, авторство не важно, – отмахнулась Варвара. – Мы сделали это!

– Молодец, Амалия, – восстановил я справедливость. – Побольше бы таких идей. Может, придумаешь, как в полевых условиях вылечить перелом?

– Какой перелом? – напряглась Варвара. – У кого?

– Здесь апельсины! – донесся ликующий вопль.

Кто-то нашел оставленное мной и недоеденное Майей.

– Поделите на всех и ешьте, – крикнул я в ту сторону. Потом к Варваре: – Кристина то ли подвернула, то ли сломала ногу.

Она обернулась к ученицам:

– Готовы? Выдвигаемся!

Кажется, у меня забирают лидерство. С одной стороны это хорошо, меньше ответственности мне, больше соответствия местным традициям. С другой – мой опыт выживания в полевой жизни на порядок превышал опыт царевен.

– Издали мы выглядели настоящей стаей, – продолжила Варвара хвастаться подвигами. – Передвигались на четвереньках.

Она продемонстрировала мне расцарапанные грязные ладони. То же самое сделали еще несколько учениц. Все были в восторге от удачно закончившегося приключения.

– Одежду несли в свертках, прижимая одной рукой. Было сложно, – гордо продолжала Варвара. – Но мы справились. Увидев стаю на марше, рыкцари отступили.

– С человолками никто не связывается, – подтвердил я.

– На что мы и рассчитывали.

Довольная Варвара бодро вышагивала рядом со мной, иногда подгоняя остальных начальственным криком. Некогда на ум пришло сравнение царевны Дарьиной с быстроходным фрегатом, равно готовым сразиться с вооруженным до зубов линкором и броситься от него наутек, но никогда не дать спуска ни одному суденышку, более мелкому, чем сама. Ничего не поменялось. Кроме взгляда. Покровительственно-колючий раньше, теперь у Варвары он стал вдумчиво-осторожным, примеривающимся, прощупывающим. Сейчас он был ироничным, в очередной раз упав на мою голую грудь. Губы ехидно растянулись:

– Как же получилось, что Майя уснула без штанов, а проснулась в твоей рубахе?

Майя шла сзади, но все слышала:

– Мы думали, что настал последний миг жизни!

– Извиняемся, что заметили вас слишком рано, – съязвила Варвара. – Нужно было дать еще часик.

– Ты все понимаешь не так!

– Какая разница, как я понимаю? Не оправдывайся.

– Да, Майя, – серьезно поддержал я. – Никогда не оправдывайся. Не унижай себя. Пусть думают, что хотят. Мы-то с тобой знаем правду.

Майя вздернула носик и величественно понесла его, глядя на подруг свысока, и теперь на нее смотрели уже не жалостливо, как на предмет придинок Варвары, а завистливо. Правильно говорят: счастье – внутри нас. Чтобы жить и радоваться, нужно всего две вещи: во-первых, жить, во-вторых, радоваться. Ферштейн?

Меня догнала Амалия:

– Когда мы сможем помыться?

– Через час, – пообещал я.

– Алле хвала!

Новость разбежалась по ученицам, как жир по бульону. Скорость хода увеличилась, будто ежиков пнули, и вместо утомительно унылого переставления ножек они перешли на качение (или как правильно называется передвижение шариков по поверхности?). Вскоре я неся навстречу Антонине и приподнявшейся на локтях Кристине, выглядывавшей из листоватого убежища.

– Как вы тут?

– Без происшествий.

Варвара и Амалия присели перед вытянутой ногой Кристины. Штанину подняли, насколько позволила ткань, ступню, лодыжку и голень тщательно осмотрели.

Мокарина уже не налазила. Расширялся отек.

– На перелом не похоже, – задумчиво произнесла Варвара.

– Да, – сказала Амалия. Она взялась за больную ногу со стороны пятки и дернула ее каким-то особым образом.

– А-а! – Сразу же после визга лицо Кристины просветлело: – Ой. Кажется, больше не больно.

– Вывих, – диагностировала Амалия. Ее пухлые щеки зарумянились.

– Уже можно ходить? – удивилась Кристина.

– Не сразу. Полежи, отдохни, потом сильно не утруждай.

Как все просто, когда знаешь, что делать. У меня гора свалилась с плеч... и еще с души целый хребет.

Кристина ревниво отметила перемены в моем и Майином одеянии.

Вынужденным привалом Майя как раз воспользовалась, чтобы переодеться в свое.

– Спасибо, – вернула она мне рубаху и, уходя, подмигнула.

Трудно быть единственным мужчиной в женском коллективе, где общение с мужским полом ограничено. Цепляются, даже если не нужен. Чтобы другим доказать, что не лыком шиты.

Ближайшее толстое дерево скрыло от присутствующих мое быстрое переодевание.

– До воды менее получаса, – объявил я, вернувшись.

Подействовало не хуже дихлофоса на мелкую живность, у всех словно второе дыхание открылось. Я подставил спину Кристине:

– Понесу, пока не зажило окончательно. Еще одной травмы твоя нога не выдержит.

Гнев мгновенно сменился на милость, темноволосая царица взгромоздилась на меня, обхватив шею руками, и я аккуратно шагнул вперед.

Лесная почва теперь проминалась под двойным весом, свисавшие ветви мешали, но я не жаловался. Ноша была приятной. Обе ее штанины задрались выше колен, отчего ладони поддерживали Кристину прямо за прохладную кожу. Гладкие икры иногда поджимались, захватывая пальцы в жаркий плен подколенья, над ухом тогда проносился слабый вздох, а персиковая щечка терлась о мои выпиравшие шейные позвонки.

Стыдливый шепот нарушил колдовство чувственного тет-а-тета:

– Вы с Майей... ночевали вместе?

Сквозь ткань мои предплечья и ребра ощущали тугие бедра, спина впитывала растекшийся мед живота и всего, что выше. Кристина явно тоже что-то чувствовала, и тоже что-то весьма неуместное, если ситуация вызвала к жизни такой вопрос.

– Хочешь узнать, было ли у нас что-то? – Я помолчал, прежде чем закончить. – Не больше, чем с тобой.

Поверила ли? Не знаю. Но успокоилась. Дыхание выровнялось. Черные закрученные змейки свесились с моего плеча, иногда щекоча шею. Мне волосы Кристины не мешали, она тоже не спешила их откидывать. Создалось ощущение, что она прятала лицо от окружающих.

Я сказал, что не больше, чем с ней. Сказал с чистой совестью. То, что я чувствовал, носясь с мисс Кудряшкой, не шло ни в какое сравнение с единственным, хоть и зубодробительным, поцелуем с мисс Курносиком. Облегание меня Кристиной и касания наших рук с другими частями тел были намного более плотным поцелуем-единением, да еще растянутым во времени на сотни и тысячи неповторимых мгновений.

Со временем пришла усталость, и поцелуй организмов через одежду из восторженно-любовного превратился в уныло-семейный. Насчет последнего – не мое утверждение, а к месту употребленный штамп, ведь почему-то считается, что брак, быт и время убивают страсть. О моих родителях, к примеру, ничего подобного не скажешь, поэтому перефразирую: наше соприкосновение с царевной из желанного постепенно стало невыносимым. Для меня. Ей там, сверху, почему-то так не думалось.

– А-а-а! – раздалось впереди.

Не испуганно. Радостно. И это о-о-очень мягко сказано. Шедшие впереди ученицы обнаружили оставленные нами три мешка апельсинов. Пришлось устроить привал, пока все не съели штук по пять. А потом еще по одному-два. Ну, и еще. В кого сколько влезло.

– Стоп, – сказал я. – Мешки освободите и заберите с собой.

– Осво... – Безразмерно округлившимися глазами Варвара напомнила мне Зарину. – Иными словами, выбросить? Апельсины?!

– Впереди будет много, – объяснила за меня Антонина.

Взгляд крупной ученицы во вновь заблестевшем шлеме изо всех сил старался не встречаться с моим.

– Отсыпьте, чтобы можно было нести, – изменила мой приказ Варвара.

Царевны послушались ее.

Так и теряется авторитет.

То, что было высыпано, подобрали и спрятали за пазуху остальные. Возможно, они правы. Вдруг нас ждет новое нападение и внезапное бегство, а еда – с собой. Не совсем еда, но чудесный заменитель на первое время. Еда-питье в одной обертке.

А съесть что-то настоящее, пусть не мясо, но хотя бы кашу, хотелось очень. Только бы не осточертевшие фрукты-овощи-травки. Не при царевнах будь сказано, мой желудок любой флоре предпочел бы фауну, но об этом – молчок, жизнь дороже.

Следующее «Аааа-а!» донеслось, когда растянувшийся караван достиг апельсиновой рощи. Не останавливаясь, я донес Кристину до ближайшего дерева.

– Апельсинами сыта по горло. – Она отшатнулась от оказавшегося рядом кривого узкого ствола дерева. – Видеть не могу. Можно отнести меня к воде?

Я помнил, в какой стороне обнаружили воду, и направил стопы туда.

Лужа метров около восьми в диаметре. Они называют это озером. Я называю это недо-разумением. Но в отсутствие настоящих озер любое недоозеро – море.

– Ааа!!! Вода-а-ААА!!! – Гикающее стадо учениц промчалось к водной глади, теперь всем заметной в низинке.

Я оглянулся на более спокойную Варвару. Начав ощущать себя командиром, она и вела себя соответственно.

– Шуметь нельзя, – сказал я. – Мы с лесу, где за каждым кустом может быть...

– Всем! – что есть мочи взвопила Варвара. – Соблюдать тишину-у-у!!!

Когда ухо у меня вновь стало различать звуки, я добавил:

– И дозорных надо выставить. Мало ли.

– Александра, Амалия, Антонина, – проорала Варвара, – периметр!

Кажется, она начала по алфавиту. До моей «ч» далеко. Интересно: тоже поставит в общем ряду или вспомнит, что командир, вообще-то, я?

И еще любопытно. Алфавит. У меня не получилось узнать раньше, аналогичен ли он нашему. Упраздненных в двадцатом веке букв типа ятей царских времен здесь не заметно, но это ничего не значит (привет от Охлобыстинского ДМБшного суслика). И порядок букв может быть таким же бредом сумасшедшего, как наш, только другим. Бредом другого сумасшедшего. Или другой. Не удивлюсь, если изобретение грамоты здесь приписывают святым Кирилле и Мефодии.

Я опустил тяжело вздохнувшую Кристину на бережок, на самую кромку травы, переходившую в мокрый песок. Царевны, достигшие воды раньше, глядели зверем.

– Все, ухажу. Амалия, давай смену на посту. – Я встал подальше, чтобы обозревать сторону леса и не видеть за спиной (но при крайней необходимости иметь в поле зрения) учениц, которые радостно полезли в низко расположенную воду. Достоинство местных озер, которые выглядывали из ям как из засады, становилось недостатком при внезапном нападении – бери голыми руками, как нашу человеко-человолчью троицу не так давно. Как вспомню, так вздрогну.

Позади начался гвалт и полный разброд. Засучившие штанины ученицы, умывшись, увидели, что я далеко. Берег моментально усыпало рубашками, штанами и остатками не брошенных в пути доспехов. Плеск и гомон вновь наполнили лес. Самозванная командирша Варвара отмылась вместе со всеми, призвать к порядку было некому.

Плевать. Если кто-то идет по нашему следу, все равно найдет. Оставалось надеяться, что вслед за «стаей» преследователи в лес не сунутся. Конечно, если это именно преследователи. Может быть, с горы на глаза попались разрозненные группки разбойников, бродивших по местности после разгрома. Несомненно, разгрома: откуда еще взяться сразу такой прорве, да еще двигавшейся в направлении гор – последнего места в стране, где можно укрыться. Значит, остальная территория рыцарями утрачена. Даже из любимых лесов выгнали. Вывод: в лесу нам проще напороться на спасителей-царберов, чем на разбойников.

Что ж, пусть царевны шумят. Пусть радуются. Столько дней без мытья. К тому же, многоголосый гомон отпугнет волков и мелкие шайки вроде недавних мародеров.

Решив, что двух дозорных вблизи озера достаточно, я двинулся по расширявшейся спирали посмотреть, что и как вокруг. Апельсиновые деревья быстро закончились, дальше простирался более высокий лиственный лес. Рощица с озером осталась далеко позади, в свое хромонное подданство меня приняло царство бурелома и валежника. Было почти непроходимо. Кроме одного места. Ровно на север вела широкая просека – несомненно, искусственная, хоть она и заросла высокой травой. Кто-то прорубался здесь в незапамятные времена, а потом периодически пользовался.

Я направился по просеке. Не зря. Спереди донесся резко не природный шум. Не близко, но. Меня как раз внесло на пригорок. Кто-то жутко ругался вдали. Несколько голосов. Мужских.

Бежать, спасти царевен? От чего? Вдруг впереди как раз спасители?

А если нет?

Надо разведать. Но если там разбойники, у них может быть псина – и тогда уже никто никого не спасет, не предупредит.

Испарина на лбу подтолкнула организм к действиям. Одежда мгновенно слетела с тела, набранная горстями земля покрыла лицо и плечи. Псины рвут людей, но боятся человолков. А я кто, пусть в недавнем прошлом? Пленка, отделяющая человека от зверя, тонка до прозрачности. У кого-то исчезает с совестью, у меня упала вместе с одеждой.

Руки легко вспомнили, как ходить. Позвоночник принял удобное положение. Колени разъехались в непредставимой прежде растяжке. Шея выгнулась в обратную сторону, давая глазам возможность смотреть вперед. Поочередно переступая (и здесь правило трех опор!), я двинулся на голоса.

– Говорил же, проверь!

– Я проверял!

Пятеро мужчин чинили отлетевшее колесо телеги. Лошадь прыдала ушами, всхрапывала. Псины не было. Приблизившись насколько возможно, я детально рассмотрел всех. Четверо – крестьяне, однозначно. Пятый – в балахоне бойника с колпаком, скрывавшим лицо.

Конец мучениям. Бойник – работник законных властей. Обрадовавшись, я приподнялся, забыв, в чьем образе нахожусь. Жизнь в стае приучила к естественности.

Бойник поглядывал по сторонам, охраняя починщиков от неприятностей.

– Стой! – крикнул он в мою сторону. – Назовись!

Я привстал еще немного... и резко опустился: бойник схватил с телеги запрещенный властями гнук.

Стрела сорвалась с тетивы. Плечо больно царапнуло – хотя я лежал, распластавшись по земле. Однако, стрелял умелец.

– Грррр! – взревел я.

– Человолк!

Вторая стрела едва не пригвоздила меня к дереву, за которое удалось отскочить. Я помчался назад, виляя между естественными преградами. Еще одна стрела, уже на излете, почти достала, содрав кожу на ягодице. Куда мне тягаться в меткости с таким профессионалом, я со своим гнуком против него – как хулиган с рогаткой против снайпера с пристрелянной винтовкой.

Подхватив сложенную одежду, я еще долго не останавливался, и лишь на подходе к лагерю тело, наконец, вернуло себе человеческий облик.

Глава 5

Ученицы блаженствовали. Омовение сменилось играми. Забравшись одна на другую, царевны пихались, пока все вражеские пары не опрокинутся и над водой не останутся победители. Локти сталкивались, фасады вминались, пальцы захватывали и дергали чужие всклокоченные волосы. Визг, плеск, брызги, хохот. Верхние изо всех сил старались удержать равновесие, нижние крепко держали их за бедра, но сами едва стояли на ногах. Толчок – и гогочущая конструкция летела вниз. Вздыхалась пенная завеса, каскады ледяных брызг накрывали соседей, которые визжали и бросались мстить обидчицам.

Знавший о море и теплых пляжах я не понимал местной любви подолгу булькаться в невыносимом холоде.

Со стороны, откуда я подошел, на страже стояла Антонина, ее заметивший меня взор равнодушно сместился вбок, поза вовсе не изменилась: расположившись на небольшой возвышенности, царевна примяла бугорок могучим седалищем, одной рукой она опиралась на траву сзади, а в другой держала перекинутый поперек живота обнаженный клинок.

– Где Варвара? – спросил я.

Поправив под шлемом мокрые пряди, Антонина мотнула головой назад, на бурлившую весельем лужу.

– Позови, – попросил я.

– Я дозорная. Тебе надо, ты и зови. – Она высокомерно отвернулась.

Вредина. Понимала же, почему обращаюсь. Пришлось высунуться в пределы видимости с озера.

– Варвара!

Среди девчонок случился маленький переполох, они посыпались в воду, которой было по пояс, оставляя снаружи одни головы. Одна пара просто развернулась ко мне. Верхняя в паре, Александра, чуть не до пояса закрытая длиннющими светлыми волосами, испуганно прикрылась еще и руками, ее ноги изо всех сил пинали в бока нижнюю. В нижней узналась ничуть не смутившаяся Варвара.

– Что?

Ей надоело терпеть пинки, она подняла за бедра и сбросила взвизгнувшую златовласку. Вопли и махание рук закончились большим бульком. Варвара бесцеремонно уставилась на меня, возвышаясь над пейзажем как продавец над арбузным полем, причем арбузы были сердитые и недовольные.

– Маленькая срочная проблема. Надо поговорить.

Отойдя, я через несколько шагов присел на землю спиной к возобновившемуся празднику жизни.

– Что за проблема? – Варвара опустилась на траву рядом со мной. Мокрые плечи покрывала наспех накинута рубаша, голые ноги царевна вытянула вперед, шевеля пальцами, почти синими от холода. Бедра и некогда гладкие икры топорщились гусиной кожей.

– Не переохладитесь там, а то заболите.

– Об этом хотел поговорить так срочно? – Варвара резко поднялась, окатив морозным воздухом. – Не маленькие, сами разберемся.

– С севера к апельсиновой роще ведет просека, по ней сюда двигаются пятеро на телеге. Четыре крестьянина и бойник. – Я потянул Варвару за промокший подол рубаша, усаживая обратно. – С гнуком.

Повернувшееся ко мне лицо, белое от холода, стало серым:

– Как это понимать?

Я предположил:

– Сейчас здесь царит безвластие. Рыкцари ушли, цариссы еще не воцарились. А урожай собирать надо. – Я указал вверх, на свисающие оранжевые солнышки.

– Что будем делать?

– Уходить.

– Из этого рая?! После стольких дней мучений?!

– Что предлагаешь?

Варвара сузила глаза, превратив их в плюющиеся свинцом смертельные амбразуры:

– Нападать. Их всего пятеро, нас шестнадцать, у тебя тоже есть гнук.

– Я их стрелку не чета, не сможем даже подойти, половину он уложит еще по дороге.

– Как же подошел ты? И откуда знаешь о его меткости?

Наклонившись на один бок, я потер рукой сочившуюся кровью ягодицу:

– Метров с девяноста. Мне такое не по зубам даже во сне. Еще в плечо примерно с сорока, причем он стрелял интуитивно, не видя меня, а только предполагая. И чуть не расщепил дерево, за которым я прятался.

– Круть, – обмерла Варвара, отдавая врагу дань почтения. К пупырышкам холода прибавились пупырычки испуга.

– Надо уходить. Распорядишься?

– Нет. – Варвара поднялась и обернулась к озеру: – Девочки! Нужно повторить утренний подвиг.

Наступила тишина – резко, как бывает в доме с включенным телевизором, когда вдруг исчезло электричество.

– Собирайтесь, выдвинемся навстречу. Враг недалеко.

– Почему надо как утром? – не выдержал кто-то.

– Давайте сразимся! – донесся еще один возглас, наивный и звонкий.

– Там пятеро, – громко сообщила Варвара. – Один с гнуком, настоящий мастер, остальные – крестьяне. Их жизни не стоят того, чтобы пострадала хоть одна наша.

– Не лучше разойтись миром?

– Нельзя обнаруживать себя, пока нас преследуют. Каждая царевна – ценная добыча. Стрелок – возможный рыкцарь, отставший от отряда или временно вернувшийся домой. Где один, там и многие.

Она повернулась ко мне:

– Они же не сунутся к человолкам, правда?

– Правда, – признал я. – Пока не явится сила, которая способна нас выгнать, а их защитить, они сюда не придут.

– Вперед! – скомандовала Варвара, подбирая свои штаны и впрыгивая в них.

– А я? – Сидевшая на крутом берегу Кристина беспокойно крутила головой. Щеки пылали румянцем. Ее штанины были задраны до уровня шорт, пострадавшая нога с чувством морозилась на дне. Царевне пришлось опуститься прямо на влажную песчаную кромку, подоткнув под себя полы рубахи. Образовавшиеся грязные разводы не смущали; остальное, что выше и ниже, тоже не блистало красотой, выделяясь лишь степенью мокрости.

– Идти сможешь? – поинтересовалась Варвара.

– Сейчас попробую... – Кристина наступила несколько раз, затем радостно потопталась. – Еще ноет, но, кажется, могу.

Я двинулся сквозь лес показывать дорогу. По мере одевания ученицы нагоняли меня, в просеку вошли уже полным отрядом. Перед пригорком, за которым начинался пологий спуск, я остановился.

– Здесь.

Все как-то сразу потупили лица.

– Может, без Чапы справимся? – выразила общую мысль Антонина.

Я сказал:

– Сам бы с превеликим удовольствием устранился, но у чело-волков вожак всегда самец.

– Одно слово – звери, – сквозь зубы выплюнула Антонина.

– Если крестьяне сталкивались со стаей, они заметят несоответствие. – Меня чужие мнения не волновали, волновало наше будущее. – Главные бойцы стаи – самцы.

Варвара перехватила слово:

– На этот раз враг будет близко. Глядя в упор, он должен принять нас за стаю и испугаться, для чего должен поверить. Чапа, – ее лицо обратилось ко мне, – что сделать для правдоподобности?

Царевны замерли, на мне сосредоточилось их пугающее внимание.

– Кхм, – прокашлялся я. – Когда вы спускались с горы, изда-лека наблюдатель видел только отсутствие одежды и четвероно-вость, главные признаки чело-волков.

– Что же нужно еще? – недовольно вбросила Антонина.

– Чшш! – шикнули на нее.

– Ну-ка, рыкните, – попросил я.

Посыпалось:

– Ррыв!

– Тяв!

– Гав!

– Ррр! – просто прорычала Амалия.

– Вот. – Я указал на нее. – Лучше рычите без всяких гавков. Не ртом, а из глубины глотки, из самой груди, будто горло полощете. Ну-ка, все вместе!

– RRRR!

– Не фонтан, но сойдет. Рычать на противника – это первое. Второе: взгляд. Не опускать ни в коем случае. Кто отвел глаза, тот боится и заранее проиграл. Стая, которая боится, не противник. Третье.

По спине – не снаружи, а изнутри, затрагивая внутренности – пронеслась ледяная волна. Какого лешего я сказал «фонтан», откуда это слово, вообще, вылетело?

Кажется, напряжение ситуации заставило слушательниц пропустить непонятное слово мимо ушей, общий смысл фразы был всем понятен, опасного вопроса никто не задал. Я перевел дух. Девочки молчаливо ждали.

– Третье: поза и походка. Любой отличит человека, который стал на четвереньки, от настоящего чело-волка.

– Ну-ка, изобразили стаю, – включилась Варвара.

Ученицы опустили-сь на карачки. Представшее гла-зам резало без ножа. Я вежливо попросил:

– Не возражаете, если поправлю?

– Для того и собрались, – кивнула Варвара, тоже приняв положение низкого старта. – Давай, знаток. Что не так?

– Все!

В таких позах только поясницу тренировать или перед вельможами челом бить. Не бойцовая стойка, а поклон или упражнение «достаньте руками пол». Царевен словно бы на веревке развесили, только прищепок не хватало. Перегнутые спины грозили сломаться, волосы свалились, обнажив загривки и перемешавшись с травой, лица налились кровью и видели только муравьев между ладонями. Лишь некоторые додумались не гнуть спину. У этих смекалистых кверху торчали округлые задки, глаза исподлобья пытались увидеть хоть что-то выше моих ступней, а никак, потому что шея к такому не приспособлена.

– Вам даже стоять неудобно, как же бегать или драться? Центр тяжести должен располагаться как можно ниже. Толкните друг друга.

Полянка, запруженная согбенными до земли созданиями, колыхнулась. Кандидатки в человолки поочередно толкнулись, и каждая завалилась на бок. Потирая бока, все вновь встали на четыре точки, стараясь найти наилучшее положение. На их пыжившиеся усилия нельзя было смотреть без слез.

– Что это? – Я подошел к Александре. Она сидела пятой точкой на сведенных пяточках, опираясь на разведенные носки ступней. Прямые руки внизу касались друг друга сдвинутыми ладошками. – Милое создание. Няшка, ми-ми-ми. Хочется погладить по головке и угостить вкусеньким. Человолки так не сидят!

Александра испуганно пригнулась, как отруганная собака, но за что ругают, так и не поняла.

Я встал у коряво изогнувшейся Клары:

– А это что?

Типичнейшая ошибка, и никаких выводов из моего предыдущего замечания не сделано. Клара покраснела.

– Мне так удобно, – выдавилось сквозь надувшиеся губки. – По-другому не могу.

Снова сведенные ступни и ладони. Еще и колени. Руки, опущенные прямо. И почти прямые ноги. А спина изображает трамплин, который заканчивается свесившейся головой. Удобно пукнуть в лицо врагу, но не драться.

– Не пойдет, – просто сказал я, переходя к Майе.

У этой было получше. Задние ноги чуть расставлены, а передние, увы, снова вместе. Снова трамплин, не позволявший поднять лицо. Я нажал Майе на поясницу, немного опуская, отчего спина выгнулась горбиком.

– Так? – радостно спросила она.

– Не так, но не настолько плохо, как было.

У одной низенькой царевны, не помню имени, ладони и ступни упирались в землю строго друг за другом, по одним параллельным линиям. Как собирается ходить – боком, в манере краба?

Варвара, замершая в позе для прыжка, нервно ожидала похвалы. Ее тело прижалось к земле, выпятив лопатки, ноги напружинились, лицо глядело вперед.

– Для начала боя хорошо, а правильно двигаться не сможешь. Весь вес у тебя позади.

– А так?

Она переместила центр тяжести вперед и чуть не завалилась лицом в траву. Выправившись, Варвара стала похожа на детскую лошадку, но никак не на бойца.

– Не пойдет, – подытожил я и обратился ко всем: – Встаньте и сделайте упражнение на растяжку. Кто умеет – сядьте на шпагат. Потренировались? Теперь расставьте ноги пошире.

– Настолько?

Девчачье воинство с усилием выпрямилось и выполнило указание. Чтобы не растянуть штаны и не порвать их при сильном сгибании ног, каждая ученица синхронно приподняла прихваченную над коленями ткань. Чисто мужской жест, в женском исполнении он напомнил придерживание пальчиками пышного кринолина.

– Еще шире. Носки не в сторону, а вперед. Опускайтесь вперед расставленными на ширине плеч руками. При виде сверху должна получиться трапеция. Смотрите на меня.

Я показал.

– Так бы сразу, – облегченно выдохнула Амалия.

Вот же он, способ научить и воспитать: «делай как я». А «делай, как я говорю» – свидетельство беспомощности или высокомерное издевательство.

Дело сразу пошло.

– Колени не вперед, а в стороны и только потом вперед! Спины параллельно земле! Антонина, тебе шлем и меч не мешают?

– Пусть будут, – не отступилась та. – Придет время, сниму.

Точно, она ведь дежурная. Командир должен помнить обо всем.

– Ступни держать параллельно, не раздвигать уголком. Варвара, чтобы выпрямиться, нужно не носки свести, а пятки раздвинуть.

– Тогда зад поднимается!

– Так и должно быть.

Одновременно еще несколько холмиков взметнулись ввысь.

– Положение ступней закрепили? Теперь таз опускать до тех пор, пока спина не выправится по горизонту.

– Но это слишком... откровенно, – застыдилась Клара, глядя перед собой на Варвару, успешно выполнившую упражнение.

– Ты о чем думаешь?! – зашипела на нее Варвара. – О жизни своей никчемной думай!

– Но я... – пунцовая даже на верхней стороне ладоней, Клара заткнулась.

Она попыталась сделать как надо, но что-то внутри не давало. Что-то в характере, а не в теле.

Остальные потихоньку справлялись. Еще не стая, но уже стадо, не толпа. Прогресс, однако, чтоб им счастья привалило размером с этот прогресс.

– Колени не должны быть под локтями, – заметил я ошибку сразу у нескольких. – Выводите за локти, наружу.

Клара чуть не плакала. Поняв, что дальнейшие замечания принимают опасно-интимный характер, Варвара обошла ее сзади.

– Таз ниже, ноги в стороны... – Она взялась руками поправлять Клару.

– Не могу! – взмолилась та.

– Можешь, – не согласилась Варвара. – Представь, что я врачевательница, а ты на осмотре, и нужно показать все как можно подробнее.

– Какой стыд, – пробормотала Клара.

Но нужную позу приняла.

Я встал перед ними:

– Теперь все вместе идем вперед. Одновременный шаг руки и противоположной ноги.

Раз!

Кто-то завалился. Кто-то перепутал и шагнул иноходью.

– Еще раз, – скомандовал я. – Отлично. Еще. Раз! Молодцы! Раз! Раз!

Для большего не было времени.

– Можно выдвигаться. – Отвернувшись, я взобрался на край пригорка. – Едут. У нас пара минут.

Рядом с легким шелестом примялась трава под присоседившейся Варварой:

– Ты должен показать пример.

– Черт бы вас подрал, – бросил я, понимая, что она права.

– Я бы не отказалась, – Варвара облизнулась.

Это шуточки такие или гормоны бурлят? Скорее бы сдать беспокойное хозяйство в родительские руки.

– Всем опустить головы и не смотреть вперед, – приказал я.

Только что чувствовал себя пастухом перед стадом, теперь же превратился в зверушку на арене цирка, а четвероногие нелепости рядом со мной – в зрителей, причем придиричивых. Если б можно было, как в цирке, хоть на секунду свет выключить...

Увы. В небе шкворчала ослепительная глазунья, чей знакомый желток доказывал, что мы на Земле, пусть и не в своем времени. В каком? Позже разберемся. Сейчас передо мной стояла другая задача: прилюдно раздеться. Для начала пришлось отползти с бугра: не светиться

же перед противником. Это еще больше приблизило меня к заждавшемуся на четвереньках... стаду? Отряду? Может, все же, стае, как они наивно о себе воображали?

Вдруг пробрало до печенок, едва взгляд обежал плотно заполненную площадку. Мне словно поклонялись. Ощущение, скажу, невероятное: полтора десятка царевен опустили на колени и покорно склонили головы. Только Варвара выделялась, с удобством возлежав в траве практически рядом: скрещенные ноги сзади, руки перед собой, в уголке губ дергалась покусываемая травинка. Пришлось состроить злобную гримасу, чтобы сосредоточенные на мне влажные серо-голубые колодцы хоть на время прихлопнулись крышками.

Приступим. Откиннутые портянки накрыли сапоги, следом отправилась рубашка, последней была стянута юбка.

– Ваша очередь. – Я сел на пятки спиной к царевнам и стал ждать.

Необходимо было слышать приближение противника, но звуки неслись только сзади: шорох, кряхтенье, легкое звяканье металла.

– Можно, – раздалось через минуту.

Всеми силами вжимаясь в землю, на меня глядели полтора десятка пародий на чело-волков. Видны только вздернутые лица, покатые спинки и венчавшие композицию раздвоенные холмики. Глаза – испуганно-детские, словно бы ожидавшие наказания за сотворенную шалость. Среди них были конфузливо прячущиеся, как у Клары и еще кое-кого, а так же дерзкие, как у Варвары, и несколько фальшиво равнодушных. Пришлось напомнить:

– Что я говорил про взгляд?

– Кристина, останешься с вещами и оружием, – внезапно приподняв голову, распорядилась Варвара.

– Правильно, – согласился я. – Кстати, еще: всем, у кого стянуты или заплетены волосы, распустить их и растрепать. Человолки не расчесываются. Даже пятерней. Можете смазать глиной, или землей, или что там у вас под ногами. Чем страшнее, тем лучше.

– Жалко, – жалобно прокуксилось сзади.

– Если вернемся, отмоем.

Варвара, державшаяся позади, но как можно ближе ко мне, уцепилась за слово:

– «Если», поняли?

Ну, всех подготовил, осталось заставить себя самого. Я еще раз оглянулся на свое воинство, решив сказать что-нибудь воодушевляющее, как всегда делают полководцы перед битвой:

– Любое проблемное событие, будь то мелкие неприятности или неопишное горе – измерение силы воли. Слабые ломаются, сильные закаляются. Будьте сильными! Побеждает не тот, кто сильнее, а кто идет до конца. Готовы?

– Алле хвала!

Как же режет слух местный боевой клич.

– И не забывайте: спины параллельно земле! Ступни ровно, колени в стороны, центр тяжести как можно ниже. Выходим!

– Я справа от Чапы, Антонина – слева! – понеслись команды Варвары, когда, совершив над собой насилие, я встал на четыре ноги, спина и плечи выпрямились, и тело с кошачьей грацией двинулось вперед.

– Вот как надо ходить, видите? – обратила Варвара всеобщее внимание туда, куда я менее всего желал, отчего у меня все подобралось и съезжилось.

И ведь все понимает, мерзавка, но нарочно делает. Ох, отомщу однажды, и мстят моя, как говорится, будет ужасна. И повод, который прикроет будущий акт возмездия благородным мотивом, тоже будет непробиваемым. Уж я постараюсь.

– Распределитесь по росту и комплекции! – продолжала распоряжаться царевна Дарьина. – Большие и высокие рядом с нами, мелкие во второй ряд. Создавайте видимость массовости! Нужно выглядеть грозно!

Я распластался как можно ниже, пряча все лишнее в траве. Трава щекотала и кололась. Ничего, в человолках приходилось терпеть и не такое.

Следующий пригорок – последний рубеж, дальше идти опасно, противник должен быть неподалеку. Миновав последние метры счастливой невидимости, я приподнял голову, и вдали сразу раздался вскрик:

– Человолк!

Ну и зрение, до нас оттуда – метров двести. Лошадь мелко трусила, таща пустую телегу по не езденой с прошлого года просеке. Все пассажиры телеги соскочили, хватаясь за оружие – дубины и вилы. Бойник прикинул расстояние, посомневался, стрелу в нашу сторону направил, но не выстрелил. Хочет, чтобы наверняка.

Я поднялся на всю высоту четырех конечностей.

– Грррррр! – раскатисто выдало горло подзабытый звук.

Справа ко мне прижалось крепкое холодное плечо Варвары, слева, немного отстраненно, высунулась Антонина. Самые рослые наши девочки. За ними появлялись и появлялись остальные. Сзади напирала еще, приподнимаясь всем телом на руках и ногах, высовывая вверх любопытные головы.

– Грр! – снова вступил я.

– Гррррррр! – накрыло лес подхватившим многоголосым рыком.

Настал решающий момент.

– Он привел стаю!

– Отходим!

– Сысой, Рюма, лошадь спасайте! Уводите, прикроем!

Крестьяне засуетились, начали быстро вызволять лошадь из упряжи.

– Не отобьемся!

– Самыка, они, кажись, не голодные.

Все пятеро одновременно оглянулись на нас.

А вот вам баклажан в салат из помидоров. Я пошел вперед – медленно, крадущимися стелющимися шагами. Немигающий волчий взор обещал кусать, кромсать, рвать и грызть до последнего издыхания. Варвара двинулась рядом, выверяя каждое движение, следя за коленями и спиной. Чуть задержавшись, слева бочковато вывалилась на открытую местность Антонина.

Суета около телеги превратилась в панику:

– Бросайте все, бежим!

– А лошадь?

– Сама вернется.

– А если ее съедят?

– Пусть лучше ее!

Опережая Антонину, слева выскочила Майя. Курносый нос недовольно вздернулся: почему не преследуем? Казалось, что еще секунда, и Майя залает и бросится в нападение, даже если никто не поддержит.

Я продолжал идти медленно, лишь немного ускоряясь, и только увидев, что противник скрывается в лесу, осторожно перешел на бег.

Ученицы в меру умения бежали за мной. Со стороны смотрелось грозно: лавина звероподобных существ скатывалась с пологого холма. Лошадь ржала, запутавшись в постромках. Достигнув телеги, я остановился. Подоспевшая Варвара выпутала дергавшуюся лошадь, и освобожденная животина с громким топотом умчалась обратно по просеке.

– Гррр! – напомнил я о себе, если кто-то в лесу по какой-то причине вздумает остановиться.

– Победа? – прошептала сиявшая Майя.

Еще бы, такое приключение. Кому расскажешь... нет, лучше не рассказывать.

– Пока еще нет, – возразил я, взглядом избегая отвлекающего района подмышек четвероногих соратниц, где навязчиво белело, выступало, свисало, раскачивалось или заострялось. – Но почти. Забирайте все съедобное, вещи оставьте. Если кто-то вернется к телеге, он должен остаться уверенным, что из рощи приходила настоящая стая.

– Здесь котел! – Антонина выглядывала с другого конца телеги, чтобы не показаться мне на глаза.

– Нет.

Она указала на мешочек, в котором, как оказалось, находилась какая-то крупа, взятая крестьянами в дорогу, скорее всего, для приготовления обедов-ужинов на время работ:

– А в чем будем варить это?

Крупа?! Ура! На душе посветлело.

– В шлемах.

– Как в шлемах? – На меня воззрилась не только Антонина. – В них подкладка и отверстия!

– Подкладка съемная, а отверстия не везде, две трети объема остаются глухими, что нам прекрасно подходит. Берите крупу и отправляйтесь обратно к озеру, там переодевайтесь и ждите. Варвара, Майя и... Ярослава?

Стоявшая рядом красивая крепкая блондинка кивнула, что да, я не ошибся, Ярослава. Она быстро освоилась со звериной ролью, отлично бегала на четвереньках и не стеснялась меня. То, что требуется.

– Вы трое со мной. Проверим, реально ли от нас сбежали. Амалия, остаешься за старшую. Если из лесу за нами погонятся, беритесь за оружие.

– Здесь еще соль! – донеслось от телеги.

– Берите обязательно. – Кадык у меня дернулся в непроизвольном глотке.

Я понесся по просеке галопом. Тыбдын, тыбдын, тыбдын. Прыжок, приземление на руки, перебирание, мощный толчок ногами. Тыбдын, тыбдын, – три ученицы за мной, остальные – с радостью в обратную сторону.

Царевны не успевали, я набрал слишком большую скорость, но таков был расчет. Если что – они меня прикроют, а в самое пекло, извините, я полезу один. Моей целью был следующий пригорок, с которого можно увидеть, что же там дальше, до его верхушки – метров пятьсот. Для меня, долгое время передвигавшегося подобным образом, передвижение галопом – пустяки, для учениц – невыполнимая задача. Едва научившись ходить смешно перебирая руками и ногами, то и дело забывая о ровной спине и вскидывая попы, они были в шоке от моих прыжков.

С возвышенности удалось заметить, как, не снижая скорости, вдаль исчезают крестьяне и балахонистый защитник. Все отлично. Я спокойно потрусил обратно, махнув царевнам, чтоб не старались и ждали там, куда дошли. Точнее, доковыляли.

– Сбежали? – спросила Варвара, единственная не опустив голову до земли, когда я приблизился.

– Только пятки сверкают.

Прикольный у нас получался военный совет: трое на одного, лицом к лицу, и все на четвереньках. На вид сверху – птичий след.

– Значит, можно больше не притворяться! – восторженно воскликнула Майя.

Восторг мгновенно сменился задумчивостью.

– Ну... – Я замялся, представив, как мы идем назад во весь рост, такие разные. – В принципе...

Царевны, до сих пор державшиеся в мою сторону только лицом, с сомнением переглянулись. Варвара начала подниматься.

Я резко встал, прикрывшись ладонями:

– Иду впереди и не оборачиваюсь, вы за мной. Иногда поглядывайте назад. Если что...

– Знаем, – перебила Варвара, – не маленькие.

Как же она права. Удаляясь, я буркнул под нос, выравнивая дыхание и выгоняя из памяти ненужное:

– В том-то и дело.

Часть вторая. Все на одного

Глава 1

– Наш четвероногий защитник! – выкрикнул кто-то, решив поюморить. – Гроза крепостных! Да здравствует человолк Чапа – лучший командир среди человолков, и лучший человолк среди командиров!

Остальные вроде бы сохраняли серьезность:

– Хвала командиру! Алле хвала за такого командира!

Возвращение вышло триумфальным. Косясь и посмеиваясь, одевшиеся ученицы воздавали нам, вернувшимся последними, хвалу, а затем, как сговорившись, скопом бросились на меня. Конечно, сговорились. Как я ни отбивался, но оказался схваченным, пятнадцать всегда поборют одного. Меня принялись качать, подкидывая в воздух, мои три соратницы тоже подключились. Особенно усердствовала Варвара.

– Ра-аз... два-а... три-и... – скандировал забавлявшийся хор.

Я подлетал и падал в подставленное море рук.

– Четы-ыре... пя-ать... ше-эсть...

Меня переворачивали в воздухе, подкидывая то так, то эдак.

– Се...

Кто-то не удержал, кольцо рук прорвалось. Хорошо, что обошлось сотрясением земли, а не мозга.

– Аааа-а!!! – Проказницы разбежались в разные стороны, едва я начал подниматься.

Варвара, Майя и Ярослава улепетывали вместе со всеми. Где-то за деревьями подружки отдали им одежду. А моя стопка по-прежнему лежала у пригорка.

Сквозь деревья за мной наблюдали десятки шаловливых глаз. Одеваться пришлось на виду, повернувшись спиной. Жизнь в стае приучила не обращать внимания на подобные мелочи, это ведь мелочи, если у них нет последствий. А какие последствия у веселого подглядывания? Царевны хоть и вышли из детского возраста, но в стадию унылой взрослости не вошли, ребячливость и желание пошалить проглядывали в каждом поступке. Представляю, что творили бы в прежней школе мои одноклассники, если бы тоже учились одни, без мальчиков, вплоть до одиннадцатого класса. Затем – в институте без парней. Интуиция и полученное за последнее время знание людей подсказывали, что игривым любопытством, как у местных, дело бы не ограничилось, ведь «жизнь нужно прожить так, чтобы не было больно за бесцельно прожитые годы».

Ну, любят у нас выдергивать из контекста. И не только у нас, это общемировое заболевание – перевернуть масштабное чужое, чтобы подкрепить авторитетным мнением корыстное и куцее свое. А что было у Николая Островского изначально? «Самое дорогое у человека – это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно стыдно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое». Окончание фразы в цитировании, как правило, убирают, оно не вписывается в новые реалии. Зато активно следуют продолжению: «И надо спешить жить. Ведь нелепая болезнь или какая-либо трагическая случайность могут прервать ее». Обидно, что призыв к достойной жизни подняли на стяг сиюминутных удовольствий. Впрочем, нечего на зеркало пенять...

Облачившись в замызганные юбку и рубаху, я вдел ноги в сапоги и опоясался портупеей с оружием.

– Не обижаешься? – Пряча улыбку, ко мне подошла Варвара. – Девочки это от радости, от всего сердца.

Позади нее сбилось в кучку виновато переглядывавшееся стадо.

– Понятно, от радости, – ворчливо ответил я. – Не для забавы же, в самом деле.

Вернувшись в рощу у озера, первым делом все бросились к апельсинам. Руки рвали, выжимая в подставленные рты, зубы выгрызали мякоть из разодранных половинок, звуки стояли, словно стая волков лакомится человечинкой. Но до чего ж завидно и аппетитно. Разум все еще обиженно бухтел, а организм не удержался. Сладковатая кислота брызнула в небо, обтекла язык, разлилась по пищеводу и подбородку. Остановиться удалось, только откинув третью корку. Тогда я встал посреди полянки, упер руки в бока и выдал во всеуслышание:

– Нужны дрова. Кто не принесет – всыплю по мягкому месту похлеще ваших четвероногих. Ну, чего стоим?!

Прозвучало совсем не шутливо – я еще не отошел от проделки со мной.

– Не имеешь права! – заявила в ответ Антонина.

– Мы в походе, правила здесь устанавливаю я. Объявляю, что теперь у нас есть телесные наказания.

Не позволю больше над собой насмехаться.

Варвара подхватила Антонину и увела с глаз долой. Ученицы занялись сбором дров для костра, я подготавливал место для него – отковыривал в земле и тащил на удобную полянку камни для установки «котлов», то есть оставшихся у нас четырех шлемов.

– Не отдам, – внезапно встала в позу Антонина, когда Варвара по моему приказу попыталась изъять ее любимый девайс. – Он закоптится, а подшлемник испортится.

– Нет проблем. – Я равнодушно пожал плечами и продолжил раскладывать хворост. – Апельсинов много, с голода не помрешь.

– Не поняла.

Я пояснил свою незатейливую мысль:

– Кашу будем есть без тебя.

– Шлемов нет у многих, они свои выбросили! – возмутилась Антонина. – Они тоже не должны есть!

– Бросить шлемы был приказ – для тех, у кого не осталось сил двигаться в них. Если ты свой шлем сохранила, это тебе в плюс. Ты сильная и ответственная. Это здорово. А твой шлем теперь нужен для общего дела.

Под множеством обращенных на нее взоров Антонина смирилась. Гордо задрал нос, она кинула мне шлем, словно пожаловала милостыню нищерброду.

Воду поставили на принесенные камни. Собранная сухая трава вспыхнула от искры кремня, занялись веточки, постепенно разгорались более солидные дрова, за неимением топов нарубленные мечами. Я сидел на корточках, вороша поленья. Ко мне под села Варвара:

– Нужно посмотреть твою рану.

– Ты уже посмотрела, когда восхищалась моей звериной походкой.

– Тогда я рану только заметила. Нужно посмотреть внимательно, вдруг что-то серьезное?

– На серьезном я бы не сидел.

– А если загноится? Необходимо прижечь или присыпать травами.

– Разбираешься в травах?

– Я разбираюсь в людях, и у меня есть человек, который разбирается во врачевании.

Мимо как раз проходила Амалия.

– Посмотри, пожалуйста, – попросил я Амалию, приподняв юбку на одной ягодице. – Это не серьезно?

Она бросила мимолетный взгляд.

– Заживет.

– Спасибо.

Когда я обернулся, Варвара стояла уже в трех метрах от меня, обращаясь ко всем:

– Пока закипает, предлагаю сыграть в игру, она из толпы делает команду.

Тимбилдинг – под таким названием я знал подобные игры. Девочки заинтересовались.

– Становимся вокруг костра в два круга, один внутри другого, – распорядилась Варвара. – Поровну, восемь и восемь. Один круг лицом к другому, попарно, как бы лучиками солнца.

Началось броуновское движение внутри одной отдельно взятой полянки. Меня Варвара поместила во внешний круг, сама встала рядом справа.

– Расположились? Теперь киваем той, которая оказалась напротив вас в другом круге. Один кивок означает согласие на рукопожатие, то есть если обе кивнули по одному разу – насколько возможно дружески пожмите друг другу руки.

– С нами Чапа, – вмешалась оказавшаяся во внутреннем круге Амалия, на лбу которой, как и у всех, горел вопрос: что же будет дальше? – А ты говоришь только в женском роде.

– Прости, Чапа, привычка, – отмахнулась Варвара и невозмутимо продолжила. – Итак, один кивок – пожатие руки. Два кивка – обнимание за плечи, можно с чуть отстраненным легким прижатием. И, наконец, три – тесные объятия, можно с дружескими поцелуями, если человек попался хороший. Когда количество кивков у встретившейся пары разное, считается меньший результат. Все понятно?

– Значит, если хочешь обняться, а тебе жмут руку... – протянул кто-то сзади.

– Жмешь в ответ и не рыпаешься, – отрезала Варвара. – Правило должно соблюдаться четко, закон всегда на стороне более скромного в запросах. Итак, киваем.

Во внутреннем круге передо мной стояла Кристина. Она так быстро откивала три раза, что мне пришлось сделать так же.

– Теперь выполняем то, что наживали, – объявила ведущая.

Мы с Кристиной шагнули друг к другу, обнялись и вместе со всеми расцепились, сделав по шагу назад. Порозовевшая Кристина благодарно улыбнулась.

– Не болит? – я указал взглядом на ногу.

– Теперь – совсем не болит, – лукаво сощурилась она, будто между нами завелась очередная тайна.

Варвара огласила:

– Внешний круг – переход на одного человека влево, внутренний остается на месте, и повторяем предыдущее упражнение!

Передо мной оказалась Майя. Она расплылась в такой непосредственной детской радости, что кивнуть меньше трех раз казалось кошунством. Мы тоже тесно обнялись, как старые друзья и соратники.

Игра мне понравилась.

По мере продвижения я оглядывался краем глаза на остальных, и так же делали все ученицы. До рукопожатия никто не снизошел, все обнимались: либо за плечи, либо по-настоящему.

– Переход!

Вот и Клара. Стеснительная, вечно краснеющая. Я упростил ей выбор: кивнул три раза и замер. Ее ресницы испуганно хлопнули, и она ответила мне тем же. Мои руки раскрылись. Клара робко подняла свои. По шагу навстречу, конфузливое соприкосновение – и мы неожиданно жарко обнялись, прижавшись щеками. Кларе пришлось встать на цыпочки. Ее щека была сухой и раскаленной, как песок на пляже.

– Видишь, я не кусаюсь, – шепнул я в близкое ушко, решив то ли подбодрить, то ли успокоить, то ли пошутить.

– Не факт. – Кларино лицо осталось серьезным. – Это слова, а словам верить нельзя.

– Правильно, – согласился я и легонько цапнул зубами за мочку.

Опешившая царица отпрянула.

– Переход!

Секунда – и передо мной новое лицо. Ученица по имени Феофания испуганно взмогнула, губки приоткрылись. Чутьку низенькая, плотно сбита, она лучилась жизнелюбием и бездонным доверием к миру. Близко посаженные глаза на широком лице создавали иллюзию полноты, которая сразу терялась при опускании взгляда ниже: коренастое тельце и желало бы растолстеть, да кто ж ему даст. Голод и нагрузки уничтожили былые запасы. Осталась только отрыгнутая обстоятельством жизнерадостность.

Феофания нервно откинула лезущую в глаза темную прядь. Никогда не сталкивавшаяся со мной столь близко, царевна не знала, что делать. Кажется, она меня боялась. С дружелюбной улыбкой я медленно двинул головой вниз, потом еще... и еще. Не меняя ни выражения лица, ни застывшего в ступоре взгляда, ни даже положения раздвинутых бубликом малиновых губок, Феофания почти бездумно поддержала мой выбор. Затем – шаг вперед, словно на эшафот. Руки и тела переплелись на несколько горячих мгновений. Слишком горячих. С той же силой, что страшилась, теперь царевна вознеслась над собственным страхом. Отрываться не хотелось ни ей, ни мне. Но пришлось.

– Переход!

Александра. Ее роскошные золотые водопады заставили сердце сжаться в память о Зарине. Царевна уловила что-то в моем взгляде – некое страдание, спрятанную боль. Сделав три быстрых кивка, она, не дожидаясь ответа, сочувственно прильнула. Я прижал к себе чудесную светлую головку. Сердце дрогнуло. Отступая, пришлось отвернуться из страха увидеть не то лицо, что стояло перед глазами.

Следующий шаг в сторону привел меня к Любаве – еще одной серой мышке нашего отряда. Вместе с Феофанией они могли бы составить пару близнецов. С одинаково круглыми лицами, одной надежно-крепкой приземистой формации, компанейские неконфликтные хохотушки легко различались с первого взгляда: Феофанию природа одарила пышными темными волосами, ниспадавшими до ключицы, Любаву – не менее пышной и яркой белизной, подстриженной точно так же. Обе периодически закидывали непослушные локоны за любопытно торчавшие уши.

Любаву раздирали противоречивые эмоции, она глядела на меня с ужасом, тело временно отстранялось и тянулось вперед. Я вспомнил: в мою бытность ангелом она вместе с Кларой расспрашивала меня о мальчиках потустороннего мира. Сейчас перед ней стоял живой мальчик мира реального. Обеспокоенный Любавин взор пробежался по сторонам. Там царило нараставшее братание, два раза уже никто не кивал.

Пришлось помочь с непростым решением. Не бойся, я не злой серый волк, кушающий хороших девочек, сказала мое трижды качнувшееся лицо. Любава помедлила, вдруг засияла и поддержала предложенное решение. Плотненькое тельце привстало на носочки, и царевна поцеловала меня в губы.

Я не ждал такого и как-то машинально отстранился. Любава сжалась, будто ее ударили, на лице вновь отразился ужас, а глаза заволокло сыростью, что грозила прорваться бездонным океаном.

Детский сад и сбоку бантик, ну что ты будешь делать. Взяв лицо окаменевшей царевны в ладони, я сам поцеловал ее – по-братски, успокаивающе, но... ведь в губы. В ответившие губы.

– Браво! – воскликнула все отмечавшая Варвара. – Переход!

Мы с Любавой смущенно распались двумя магнитами, у одного из которых вдруг сменился полюс, и покосились на окружающих. Оказывается, замечание Варвары касалось не только нас. Вот, вроде бы, у каждой ученицы свои понятия, свое мировоззрение, свое отношение к конкретным окружающим, которое понятно и незыблемо... Но нет. Глядя на ликующее переплетение тел рядом, стало стыдно кивать два раза и совсем невозможно один – даже если пересиливаешь себя для этого. А наблюдая за искренне обнимающимися и даже целующимися, хотелось попасть на их место. Это же так просто – всего-то кивнуть на один раз больше.

В чистом воздухе кружила мошкара, но не досаждала. Под ногами шуршала трава. Стрелотали кузнечики. Но вряд ли кто-то видел сейчас окружающий пейзаж или слышал какие-то природные проявления. Все чувства сосредоточились на главном.

Меня пробрало до печенок: передо мной стояла Антонина – недавно надменная, озлобленная проигрышем в диспуте с возможным смертельным исходом, но прощенная и вновь принятая в команду. Вечно пикировавшая со мной по поводу и без. Сейчас ее глаза говорили: забудем былое. Сосредоточенно глядевшее лицо деловито кивнуло – троекратно.

Ладно, забудем. Я ответил тем же и раскрыл руки для объятия.

Из Варвары интриганка – не хуже, чем из ее родительницы. Человек всегда остается человеком, общественным животным, что бы о себе ни воображал. И поступает он соответственно – думая, что сам принял решение. Ага, щщщаз. Варвара лихо поставила всех в ситуацию, отступать из которой выглядело неприличным. Наоборот, приличным и естественным стало не отступать. Я понимал это где-то внутри. Глубоко внутри. А снаружи следовал за фонтианирующим ручьем действия.

Антонина, крупная, одного со мной роста, сграбастала меня целиком, вжав в доспехи. Ее губы нашли мои и по-хозяйски впитали. Прилетел и окучил их нахальный язычок. Я не успел даже удивиться.

– Следующая! – выпалила Варвара, следовавшая за мной по пятам.

Она выпросталась из рук Любавы и шагнула к ошалелой, бурно дышавшей Антонине.

На меня глядела только что выпавшая из чужих товарищеских объятий Амалия. Ее щеки вспыхнули румянцем: все же не подружку получила в напарницы по игре, а парня. И командира в одном лице. Но какая разница, это же игра, всего-навсего игра. Царевне хотелось огня, фейерверка, забыться и улететь... но природные скромность и кротость просто перли из каждой щели... ну, так говорится. Амалия была девушка милая, простая и серьезная. Каре темных волос пошло волнами: три безоговорочных кивка. Напряжение вспыхнуло и заискрило. Нас толкнуло друг к другу, как автомобили в краш-тесте: притиснуло, раздавило, расплющило. Передо мной возникло ищущее зовущее лицо. Глубокие глаза, затянутые поволокой, закрылись. Я впечатался в подставленные губы.

А ведь минуту назад ни она, ни я представить не могли, что наши тела захотят стать одним, а мысли и рты на миг станут общими. Параллельные прямые не пересекаются – учат нас в школе. Ерунда, еще как пересекаются. Только их слишком уж много.

– По одному, по два кивка сейчас было? – донесся из другого мира голос Варвары.

– Было по два! – откуда-то ответили ей.

– Продолжаем! Переход!

Амалию унесло вихрем ускорившихся событий. Снова Кристина. После семи раундов с другими поединщиками сердца бились бурно и в унисон. Оба взбудораженные, до предела взвинченные, мы сразу шагнули друг к другу. Губы встретились. Меня расплескало по горизонту чувств.

Спереди по ходу движения Ярослава дружески тискалась с Майей. Сзади Амалия восполняла с Варварой время и ощущения, недодобранные со мной. Все четыре косились на меня и унесшуюся в межзвездные дали Кристину.

– Следующая!

Майя вспорхнула на меня радостным воробушком. Из внешнего круга донесся гул недовольства. Ярослава по-братски крепко прижимала к себе Феофанию, но лица обеих обратились назад, на меня. Выпрыгивавшее сердечко Кристины колотило довольную чем-то, хитро скалившуюся Варвару.

На этот раз Майя не обошлась без поцелуя. Мы оба помнили утро и внезапный порыв, совершенный в ожидании страшной развязки. Казавшийся нам последним, как достопамятная самая вкусная земляничка Хрисанфии, тот поцелуй был другим. Он стоил смерти.

Этот стоил жизни.

– Переход!

Снова Клара. Бегающие глазки. Вздвигающаяся грудка. Пятнисто-пунцовые щеки. Сбитое нервное дыхание. В голове явно зреет непростое решение. Низенькая царевна делает над собой усилие и взлетает на цыпочках. Распростершиеся руки обвивают мою шею, рот находит рот и залепляет его, как скотч трещину на штанах.

Сбоку нашу слившуюся пару жгут неестественно зеленые лазеры Ярославы, стоящей во внешнем круге слева от меня. Белые, почти платиновые волосы недовольно змеятся, готовясь то ли к броску и укусу, то ли к удушению. В любом случае ничего хорошего не сулят. Собственные ощущения сейчас царевну не занимают.

– Так нечестно! – слышится от нее громко и обиженно.

Варваре не нужно объяснять, что именно, и, словно она давно готовилась, сразу разнесся ее довольный голос:

– Это командная игра, правила существуют лишь для начала, дальнейшее строим сами, как пожелаем. Главное – вместе!

Ярослава и едва не опередившая ее Феофания мигом повисли на мне с одной стороны, Варвара с Кристиной – с другой. Подключились остальные. Куча-мала росла в геометрической прогрессии. Круги разрушились, все обнимались со всеми, поперек и всмятку, большинство атаковали меня.

– И я! И я хочу! – доносилось от тех, кто оказался сзади или вне.

Варвара с трудом высвободилась из вопящего месива, выползя чуть ли не под ногами. Пожевывая тростинку, она со стороны с улыбкой наблюдала за устроенным безобразием.

От меня не отстали, пока не обнял и не чмокнул в губы каждую.

– Кипит, – со вздохом констатировала Варвара.

Глава 2

Вода во всех шлемах не просто кипела, а выкипала. Утихомирившиеся ученицы все вместе посмотрели на меня – видимо, готовить в школе не учат, царевен всю жизнь кормил кто-то другой.

– Антонина, неси крупу.

– Почему я?

– Ты самая сильная. Клара, наберешь в горсть и будешь сыпать, пока не остановлю.

– А с этим что делать?

Феофания захватила из леска вид гороха, который я принес царевнам перед уходом.

– Молодец! – похвалил я. – Бросай в отдельный шлем, сегодня у нас будет первое и второе. Теперь делаем себе ложки: находим подходящую ветку, отрубаем, очищаем и выстругиваем углубление.

Ближайшие минуты все были заняты. Майя от усердия высунула язык, Клара и Кристина, наоборот, сжали зубы до побеления щек. Феофания прикусила нижнюю губу. А ненапрягшихся скул не было вообще – царевны старались изо всех сил, и лицевые мышцы, похоже, как-то помогали в работе.

Я иногда помешивал веточкой варево, не зная, сколько его надо варить. Ничего, горячее сырым не бывает, после «пытки апельсинами» съедим все.

Вскоре около костра собрались все ученицы, запах привел. Перенесенные из огня шлемы прочно сели в заранее подготовленные углубления.

– Прошу к столу! Объявляю обе... – я посмотрел на почти горизонтально пробивавшиеся с запада лучи и поправился, – ужин открытым. На первое – гороховый суп. Прошу черпать осторожно. Горячо.

– Не маленькие, – вновь отделалась привычной фразой Варвара, отпихивая меня плечом. К шлему потянулись сразу полтора десятка ложек.

После супа приступили к каше. Ели все одновременно, никому не мешая, прилюдно чавкая и цокая от удовольствия.

– Вечером устроим большую стирку, – шепнула мне Варвара, с трудом оторвавшаяся от еды.

После многодневного плена рубахи и штаны царевен превратились в грязные рваные ошметки, ночевки в пещере и в лесу лоска не добавили. Моя трофейная одежда, снятая с убитого рыцаря, пахла тоже отнюдь не Хьюго Боссом или каким другим Пако Раббаном. Проблема, однако. Только как бы ее решить так... поаккуратнее? Чтобы радикально, и при том без обиженных и виноватых. Попозже, решил я, придумаю деликатный способ. Сейчас существовали проблемы более злободневные: безопасность, пища, скорейшее достижение отрядом освобожденных территорий. Поэтому я возразил:

– Завтра все равно идти через грязь и снова потеть. Потерпите до возвращения к своим.

Варвара презрительно сморщилась:

– Сразу видно – мужчина.

– Одежда до утра не высохнет.

– Не твои проблемы.

– Как раз мои!

Варвара вновь поглядела на меня, как владелец бронированного Роллс-Ройса на рискнувшего остановить гаишника:

– Девочки больше не могут ходить в грязном. Сегодня – стирка.

Она отклонила от меня, снова зачерпывая корявым подобием ложки и отправляя еду в рот – как бы известила, что тема закрыта и обсуждению не подлежит.

В недавнем желании остаться с Томой в горах и дать бой рыцарям Варвара проявила удивительную смесь трусости с отвагой, она предпочла возможную опасность страшщей неизвестности. Неизвестность выиграла у опасности, тогда амбициозная девица загнала претензии на значимость подальше и с удовольствием отказалась от лидерства. Но всегда держалась рядом, чтобы подхватить, когда взваливший на себя ответственность надломится. Иногда сама провоцировала. Толчок мог быть исподтишка или внаглую, как у Аглаи во время игры в «желайки». Виртуально получив по зубам, Варвара чаще всего откатывалась на исходные позиции, помахивала хвостиком и вновь подлизывалась. Сложный человек. Впрочем, где я видел простых? Надо уживаться и делать общее дело с теми, кто есть. А если они все с приба-
бахом, то кто сказал, что я сам без него?

Когда последняя ложка доскребла остатки, я объявил:

– Нужно создать подразделения. Трудно уследить за всеми.

– А ты не следи, – буркнула Антонина.

– Почему? Мне нравится, когда он за мной следит, – ровным голосом сообщила Ярослава.

Я по-командирски строго глянул на нее: не до шуточек в таких вопросах.

Ярослава спокойно выдержала взгляд и подмигнула.

Ну, Варвара, устроила бедлам. Тимбилдинг делает из толпы команду, Варвара сумела превратить команду в толпу. Тогда вопрос: не такого ли результата она добивалась?

Хороший вопрос. Обсужу его как-нибудь наедине с собой.

– Как будем делиться? – вернула нас на землю Амалия.

– На пятерки.

– То есть, как в сестричестве! – воскликнула Кристина.

– В первой, – не дал я себя отвлечь, – будут Варвара, Кристина, Антонина, Ярослава и Клара. Руководит пятеркой Варвара. Когда она выполняет роль старшей всего отряда, ее замещает Кристина. Все ясно? Во второй: Майя, Александра, Любава, Феофания и... – Я указал пальцем, послав извиняющийся умоляющий взгляд.

– Ефросинья, – обидчиво назвалась худенькая царевна.

А чего обижаться-то? Когда народу много, запоминаешь чем-то выдающихся и тех, с кем делал что-то совместное. С этой царевной меня ничего не связывало. Держалась она обособленно, а то, что периодически посматривала на меня заинтересованно, так ведь остальные глядели так же – вроде голодного путешественника, который обнаружил неизвестный фрукт и придирчиво оценивает его на предмет съедобности. Даже суматоха всеобщего братания во время тимбилдинга не дала мне зацепки, чтобы выделить Ефросинью хоть как-то. Она была со мной во внешнем круге и не пересекалась до самого конца, когда на мне висла и лезла с поцелуями настырная обезличенная толпа.

– И Ефросинья, – завершил я формирование пятерки. – Старшая – Майя.

Вскинув ставший руководительским носик, Майя осветилась улыбкой. Взгляд Ефросиньи сообщил мнение, что подружка заработала командирство через постель – так я понял выразительную смесь презрения и зависти. Любопытно, а бывает такое – заработать «через постель» – в мире матриархата? Или оно здесь тоже наоборот?

– Во главе третьей пятерки – Амалия. – Оставшихся девочек звали Софья, Ираида, Анна и Марьяна. Я все еще путал, кто есть кто, и решил не позориться. – Пока мы в лесу, командование остается у меня, потом поведет Варвара. Также она командует в мое отсутствие.

– Это понятно, – кивнула Варвара. – Интересно, почему делимся именно сейчас.

– Появилась необходимость, – объяснил я. – Все получают задания. Слушаем внимательно, чтобы не говорили, что не слышали. Первая и вторая пятерки заготавливают еще дров, третья готовит ночлег, но сначала все выделяют по человеку на посты для охраны периметра. Дальше сами внутри разберетесь, кому сколько дежурить и когда сменяться.

– Согласна, без охраны оставаться нельзя, – сказала Варвара.

– Еще, – перебил я. – Нужно подготовиться к мгновенному отходу. Мешки наполнить и снабдить постромками, чтобы носить за плечами.

Царевны хлопнули ресницами, попереглядывались, и кто-то озвучил общий вопрос:

– Из чего их делать?

Стянув португею, я оставил только пояс с мечом – все равно идем туда, где рыцарские прибаласы вызовут подозрение.

– Вот. Может, кто-то еще пожертвует кожаные перевязи. Если не хватит, раскулачим.

Последнее слово Варваре понравилось. Кажется, она вложила в него свой смысл.

– А зачем столько дров?

– Не только дрова несите, еще нужны шесты, лучше с развилками, и тридцать две легких крепких палки длиной примерно от земли по пояс.

– Зачем? – спросили меня откуда-то сбоку.

– Будем драться на палках? – предположила Майя, озорно изобразив фехтование.

Пришлось нахмуриться:

– Приказы не обсуждают, а выполняют.

– Мы не обсуждаем, просто интересуемся. Особенно насчет последнего.

Заинтригованные ученицы не расходились, боясь пропустить объяснение, в результате дело встало.

– У озера много тянущегося вверх молодняка, обрубите ветви, зачистите стволы от коры и заусениц. Выполнять!

Без толку.

– Какой конец заострять?

– А какой я приказал?

Пронесся взволнованный гул, и, наконец, кто-то выпихнул:

– Пока никакой.

– Потому что не надо заострять! – повысил я голос.

Командирский взор хоть и сверкал праведным гневом, но воздействие оказал близкое к нулю. Сгрудившиеся царевны прятались одна за другую и не расходились.

– Под хват зачищать? – от имени всех осведомила Варвара.

– С толстого конца, – со вздохом понизил я тон.

– Из молодняка, где ты показал, будут слишком легкие. Лучше дойти до опушки...

– Я же четко сказал: нужны именно легкие!

– Зачем?

– Научу быстро ходить.

– Как?!

– Кверху каком, – рявкнул я. – В свое время узнаете.

Мысль о палках не давала покоя с тех пор, как я увидел рыцарей, быстро шедших по горам с короткими копьями в каждой руке.

– Выполнять, я сказал!

– А длинные для чего?

Я закатил глаза. Как же тяжело с женщинами.

– Для большой стирки, – пришлось объяснить, пока не достали окончательно.

Словно солнце вышло прямо под ветвями. Пятнадцать лиц превратились в сияющие свечильники. Пятнадцать ртов одновременно улыбнулись. Волшебное слово произнесено!

Приятно приносить людям радость.

Ученицы бросились выполнять приказ и приближать минуту счастья. Только Амалия, глава пятерки, которая была ответственной за размещение, осторожно выступила из мечущейся оравы:

– Где лучше расположить лежак?

Я решил проверить:

– Как сама считаешь?

Амалия огляделась и решительно заявила:

– Здесь, вблизи костра, чтобы тепло доходило.

– Правильно. Только не перестарайтесь, не подпалите.

В голове возник голос Варвары: «Не маленькие!»

Амалия лишь улыбнулась. На губах всплыл вкус ее губ. Безумие какое-то. Что за день.

Мимо пронеслась с охапкой валежника златовласая Александра. У меня вспотели ладони, фантомно ощутив ее крепкое тело в руках. Захотелось вновь обнять, прижать, погладить по волосам...

Не по этим. По утраченным. Которые так и не погладил.

Глава 3

Доставучие ученые заявили: за моногамию у человека отвечает гормон окситацин. Примите, распишитесь. Никаких отсылок к совести и верности. И к желанию посвятить жизнь любимому – единственному и несравненному. И к «отдать все за желание быть с ним и только с ним». Причем «все» – именно все, до последнего.

Вздоха.

Что же теперь, верить не голосу разума, а науке? А как же тогда Отелло, Ромео с Джульеттой... да мало ли примеров в истории и литературе? Химия, понимаешь. Гормон, говорят. И ничего не поделать – наука, блин ее за ногу. Но почему-то хочется наплевать на такую науку, разорвать в клочья и еще попрыгать сверху. Присутствие гормона, оказывается, определяет, будет верен тебе человек или не будет. А Божья искра и почитание заповедей – коту под одно место?

Не хочу верить науке. Хочу верить себе и своим чувствам. К тому же, наука очень часто (хочется сказать: слишком часто) меняет свои взгляды и утверждает обратное... снова заставляя себе верить. Ведь – наука! Но согласно научной же статистике ее непогрешимое святейшее наука ошибается гораздо чаще, чем редко подводящая меня интуиция.

Ощущения говорили: ты влип, приятель. Никакой окситацин ни при чем. Я любил Зарину. Сердце не верило в ее гибель. Здесь, окруженный сонмом красотулечек, за знакомство с которыми когда-то без раздумий отдал бы левую руку, я тосковал. По несбывшемуся.

Пока мысли гуляли, руки заканчивали сооружать сушилку: длинные жерди были зачищены от мелких веток, составлялись треноги, по ним прокидывались поперечины.

Царевны выставили часовых. Игра в камень-нож-лопух в каждой пятерке определила очередность охраны. Все невыставленные в дозор ринулись к озеру стираться.

– Воды наберите во все шлемы, пока она достаточно чистая! – крикнул я вдогонку.

– Куда ставить? – донеслось через несколько мгновений.

– Главное – не на проходе. В углубления, чтобы не опрокинуть. – Краем глаза я глянул на озеро: зайдя в воду, ученицы постыгивали штаны и приступили к стирке. Свисавшие до середины бедер рубашки поплыли полами по воде, доходившей до пояса.

Про меня все забыли. Правильно. Зачем командир, когда все хорошо? Я подошел к дежурившей на отшибе уныло глядевшей во тьму Антонине.

– Иди со всеми, я здесь вместо тебя посмотрю.

– С чего это? – ошетичилась она.

– Не хочу мешать общему делу.

Объяснение, что дело не в ней лично, успокоило придирчивую дозорную, последовал благодарный кивок, и Антонина растворилась в ночи.

Светло было только у костра. Туда периодически подбегали царевны, лица суетливо крутились в поисках меня, вздернутые руки быстро накидывали постиранную вещь на обращенные к костру жерди, и босые ноги вновь уносили владелиц во тьму.

Шлеп, шлеп, – едва слышно. В мою сторону. Вздурванный мозг взревел сигнальной сиреной, пальцы схватились за гнук...

Отбой. Звук пришел со спины, от озера. Из темноты проявилась Варвара, в одной рубашке, постиранные штаны держа в руках.

– Так и подумала, что ты здесь.

– Поздравляю, гигант мысли.

Антонина – в ее пятерке, обязана была доложить, когда тоже пришла стираться. Интересно, чего Варвара приперлась, и чем мне это грозит. Не девка, а загляденье: высокая, крутобедрая, всюду налита тугой плотью. Под четкими крыльями бровей сверкали умом и чув-

ствами чуть утопленные глаза – как помнится, серо-голубые, а сейчас, во тьме, просто глубокие и блестящие. Крупноватый нос не привлекал к себе взгляд благодаря перетягивавшим внимание ямочкам на щеках и большому рту. За многообещающими губами вспыхивали бликами оттертые мелом зубы. Варвара отлично знала о своей привлекательности, но не знала, что не все клюют на холодную классическую красоту. Кроме ума и страстности, в глазах хотелось видеть еще кое-что. Душу. Конкретнее: красивую душу. Красоту души. Иными словами, красота должна быть в основном внутри, а не снаружи. Но каждый судит обо всех по себе, оттого все проблемы в мире.

– Я не принесла дров.

Варвара повесила штаны на сук и замерла перед моим лицом, скрестив руки.

– Ну, не принесла, и что? Ах, да... – Я даже сам забыл о стимуле, озвученном, чтобы подвигнуть девчушек-веселушек на общественно-полезные работы. Зря Варваре вспомнилось. – Сама напросилась. Вставай к дереву.

Она еще не поняла, что злить меня опасно. Перед сидевшим мной ее длинные ноги, красиво прошагали в указанное место, руки уперлись в ствол, а позвоночник изящно прогнулся. Спинка наклонилась, глаза томно прикрылись. Варвара опустила голову и замерла, выпукло выгнувшись в мою сторону, на лице расцвела предвкушающая улыбка.

– Накажи меня, воин, – проворковал манящий голос, обволакивающий, как паутина. – Докажи, что ты истинный командир.

Как фекалиями с чужого балкона. Уводит у подруги невестора? В любом случае, думает, что все парни одним миром мазаны. Фигушки.

Я отломил длинную тонкую ветвь. Хруст встревожил Варвару:

– Ты чего удумал?

– Буду наказывать. Как обещал.

– С ума сошел?! – Варвара отпрянула и попыталась сбежать.

– Стоять!

Я перехватил отбивавшуюся сильную руку, которой все же далеко по силе до моей мужской.

– Отстань, дурак! – Варвара дергалась, извивалась змеей, но это не помогало. – Я не то имела в виду! Совсем крышей поехал?

– Обещал всыпать – всыплю, – объявил я, заламывая сопротивлявшуюся конечность назад.

Чуть не плачущий противник был повержен на колени.

Бессознательно я привел Варвару в одну из поз, у челоуолков выражавших покорность. В стае любая особь в таком случае признала бы себя неправой и отправилась по своим делам. Но здесь не стоя, здесь нужно победить не только физически.

– Совсем ни ума, ни фантазии?! – почти рыдала скрючившаяся Варвара, силой уткнутая лицом в землю.

– Зато с совестью нормально, – парировал я, прижимая сверху коленом.

Готовый сорваться с ее языка новый довод там и остался, тактика резко сменилась.

– Чапа, прости, – взмолилась Варвара. – Черт попутал.

Всегда у них так: то черт, то кто-то другой такой же виноват. Только не сами. Ангелы во плоти.

– Решай, – объявил я. – Одна плеть сейчас или пять потом, при народе, если сбежишь.

– Ты серьезно?!

По лицу она видела, что да. Ее мышцы медленно расслабились, и смирившаяся красотка судутым мешком осела на землю. Даже жалко такую прелесть розгами... А что делать, инициатор не я. Прежде чем что-то делать, требуется думать, просчитывать варианты. Просчитывать, а не просчитываться.

– Вставай как сказал. – Прут в моих руках со свистом рассек воздух.

Казалось, даже окружающий сумрак беспокойно завибрировал. Гладенькие бедра обрались в мрамор, тревога струилась из каждой клеточки каждой безупречно поданной взору подробности, чувственной и соблазнительной, хоть сейчас готовой лечь прекрасными обводами на холст мастера, если таковой найдется.

Шмыгая носом, отпущенная мной Варвара поднялась и вновь приняла указанную позу у дерева – покорно и по-настоящему испуганно.

– Чапа, прости, я хотела как лучше, мне в голову не могло прийти, что кому-то не понравится.

Кому-то. Ну-ну.

– Другим нравилось? – Для удобства я встал сбоку.

– Ты же мужчина, должен понять, – плаксиво юлила Варвара. – Я же не только для себя...

– Ударю один раз, но сильно, чтобы запомнилось.

– Уже запомнилось!

Варвара окончательно поняла, что экзекуции не избежать. Взор померк.

– Пожалуйста, – просящие интонации в голосе из истерических превратились в деловые, – сделай так, чтобы рана не сильно выделялась, а то перед девочками стыдно будет.

Ага, а меня ей не стыдно.

Но что-то в душе надломилось. Не такой я зверь, как хочу казаться. В последний момент отбросив прут, открытая пятерня вцепилась с размаху, вызвав звон в ушах и вязкие волны.

– Свободна. – Я отвернулся, опускаясь на землю.

Варвара удивленно оглянулась и, потирая отбитое место, вдруг примостилась рядом.

– Почему ты такой злой?

– Ты знала, что в конце игры оба круга сольются в общую кучу?

– В конце всегда все виснут на всех, мама рассказывала.

– Чтобы не было сбоев, такой команде желательно быть полностью однополой, – предположил я, – или равномерно двуполой. Со мной, как единственным парнем среди множества девушек, ты просчиталась.

– Поставленного результата я добилась. Поставленного, а не заявленного. Скажешь, тебе не понравилось?

Я не просто покраснел. Побагровел.

– Как бы сказать...

Варвара тихо усмехнулась:

– Скажи как есть.

– Ну... некоторый момент удовольствия во всем этом действе имелся.

Варвара ехидно хихикнула:

– Ладно, назовем это некоторым моментом. Главное, что имелся.

Какое-то время я слушал тишину. Вряд ли рыцари нападут на нас в условиях, когда из-под любого куста может выскочить отряд царберов, но охрана должна быть просто потому, что должна быть. Иначе хаос. А я, не стоит забывать, сейчас часовой.

От Варвары искрило невысказанными мыслями, которые она не осмеливалась озвучить. Меня это устраивало. Не туда мыслит, куда надо, ой, не туда.

– Почему ты встала рядом со мной, а не во внутренний круг? – спросил я притихшую собеседницу, почему-то не спешившую возвращаться к остальным.

– Знала, что можешь отчебучить что-то роняющее мой авторитет.

Ишь ты. Я бы так и сделал. Предусмотрительная.

– Можно вопрос? – любопытствовал я.

– Нескромный?

– Очень.

Глаза Варвары странно загорелись:

– С радостью.

– Чего ты в меня вцепилась?

– Это и есть вопрос? Неужели непонятно?

– Прикинь, нет.

Варвара выдавила, словно выплюнула:

– Нравишься.

– Всем остальным – тоже?

– Конечно.

– Всем сразу – один я, вот такой невероятный и замечательный? Вздор. Вам все равно кто. Под руку попался я. Вцепились, как...

Я прикусил язык на не успевшем вылететь слове «крабы». Мозг в авральном режиме проштудировал информацию обо всем, что может вцепиться в здешнем мире. Итог многообразьем не порадовал.

– ...волки.

– Это не так. – Варвара, осторожно коснулась меня плечом. – В школе были прекрасные молодые войники, но им далеко до тебя.

Вспомнились Савва и Елистрат, к которым мы с Варварой и Аглаей ходили в мою бытность царевной Василисой. Тогда Варваре нравился Савва. Или он нравился потому, что Елистрат был занят Аглаей?

– Понимаю, почему могу понравиться Кристине или, скажем, Майе, – сказал я, не убирая плеча, о которое, как бы извиняясь, терлась навязавшаяся соседка. – Но ты старше. Для тебя я малолетка.

– В мужья берут с любой разницей, – покосилась на меня Варвара.

Отметив, что плечо я не убрал, она придвинулась всем боком.

– Это что, предложение? – удивился я.

– Некоторый момент предложения в этом действе имелся, – с плутовским прищуром процитировала Варвара недавнего меня.

– Ничего, что я невестор Тома?

Глаза Варвары сказали: «Какие мелочи».

– Неофициальный, – вслух уточнила она, – просто объявленный, то есть еще все возможно. Даже невозможное. Помнишь, на горе читали возвышенку: я не прошу, я действую. Трудно – да, долго – может быть, но не невозможно.

– Такую энергию бы да на благое дело... – Я поморщился. – А ты пропустила строчку: слушаю умных, но верю только верным, в этом состоит мудрость.

– Пропустила. Потому что несла другую мысль.

– А я эту. Верю только верным. Человек, который отбивает невестора у другого, доверия не заслуживает.

Тело Варвары заметно напряглось.

– Это как бы отказ?

Не привыкла к отказам.

– Это как бы намек, что все остается, как есть.

У костра появились первые полностью постиравшиеся ученицы. Слепо озираясь в темноту, они опасливо семеня к сушилке, выжатые перекручиванием рубахи служили прикрытием. У жердей босые ножки задумчиво останавливались, топтались, настороженные лица вновь оглядывались во все стороны... Решившись, девчонки поднимались на цыпочки, быстро накидывали имущество на высокие поперечины и опрометью уносились во тьму.

Варвара отследила мой косившийся взгляд.

– Они стесняются. Нужно что-то придумать.

– Посидишь, пока Антонина не вернется? – предложил я. – Отойду подальше, чтоб не смущать.

К моему удивлению, Варвара отрицательно качнула головой.

– Стеснение убивает игра, нужно... – Ее взор упал на мою грязную рубаху. – А почему ты тоже не стираешься? Ты же командир. Нам будет стыдно идти рядом с таким вонючкой.

– Сами вы вонючки, – обозлился я. – Понюхали бы себя, когда из плена вышли.

Варвара вспыхнула пороховым складом, в котором закурили:

– Обстоятельства непреодолимой силы не считаются!

– Но весьма ощущаются.

– Нужно понимать, что плен – не наша прихоть.

– Мозг понимает. Носу не объяснишь.

– Ладно, допустим. – Варвара взяла себя в руки. – Теперь ситуация изменилась. Есть возможность помыться и постираться. Нехорошо отлынивать.

– Как ты это себе представляешь? – с нажимом спросил я.

На озере не стихал веселый гомон. Варвара тоже прислушалась. Ее пальцы, обнимавшие ноги, машинально забарабанили по гладким коленным чашечкам.

– Не вижу препятствий, – спокойно заявила она.

– Не заметила хоть краешком помутившегося сознания, что я отличаюсь от остальных?

– Хвостиком спереди? Эка невидаль. Мы уже бились плечом к плечу без одежды. В походе все равны.

– Я равнее. Я ваш командир.

– Только на время похода, и то случайно.

– Но командир?

– Тем более. Командир обязан показывать пример. Вот и показывай.

– Что показывать?! – вспыхнул я.

– Все. Ходить с нами немытым мы не позволим.

– Не говори за всех. Может, кроме тебя никто...

– Девочки!!! – завопила Варвара как оглашенная. – Командир стесняется! Нужно помочь ему помыться и постираться!

– Какого чер...

Варвара накинулась на меня, не дав закончить.

– Я его держу-у-у!!!

Она вцепилась изо всех сил, обхватив руками и ногами.

Первой к нам добралась Антонина в натальном доспехе, удачно скрывавшем отсутствие одежды под ним.

– Я на месте, пост приняла!

Подлетела Ярослава, совершенно не смущавшаяся своего вида. Конечно, ночь, темнота, но не до такой же степени. Ярослава подключилась к борьбе между мной и Варварой, где начал вырисовываться гендерно логичный победитель.

– За ноги держи! – крикнула ей Варвара, которую я почти отодрал от себя. – Уйдет!

– Держу! – выдохнула Ярослава, оплетая телом голени.

Увидев, что тьма скрывает, а действие нарастает, появились еще девочки, множество рук подняло меня, и только тогда капкан Варвары и Ярославы распался.

– Вперед! – повела Варвара безумную процессию за собой.

Поддерживаемый на весу, я поплыл над землей в сторону озера.

– За мной! – распоряжалась Варвара. – Сюда! Давайте поближе. Перехватывайте за руки и за ноги. Раз...

Меня раскачали из стороны в сторону.

– Два... три!

Ночной мир дважды перевернулся в глазах. Вода с грохотом распахнулась, неожиданно твердая и морозная, верх и низ на секунду исчезли.

Вынырнув, я вновь ощутил себя в плену. Царевны срывали с меня одежду. Воды было по пояс, меня это устраивало, но вода оказалась ледяной просто до ужаса.

Некоторым образом это тоже устраивало.

Меня вновь опрокинуло чем-то навалившимся сзади. Когда я с трудом встал, обнаружил себя оседланным крепкими ногами Варвары.

– Кто на нас?! – завопила она, с трудом удерживая равновесие. – Готовы сразиться?

Ярослава полезла на хрупкие плечики Александры.

– Готовы!

Ненавижу насилие, пусть оно даже приводит к чему-то приятному. Цель не оправдывает средства.

– Вот и сражайтесь. – Резким движением я поднял крепкий живой хомут вверх, и шея едва не свернулась, сбрасывая ношу. Недавняя захватчица отправилась в недолгий полет.

Через миг взметнувшая стены брызг Варвара вынырнула с криком:

– Кто еще хочет полетать?!

Она схватила мои ладони в свои, чтобы получилось подобие качелей.

– Я! – тут же, само собой, вызвалась Ярослава, заместительница Варвары по части красоты, соблазна и наглости.

Ее цепкие пальцы вонзились нам в плечи, ступня встала на площадку из рук, вес перетек на эту ногу, вытащив тело из воды, а затем вознес его над нашими головами.

– Раз, два, три-и! – скомандовала Варвара.

– А-а-а! – восторженный вопль распугал леших на километр вокруг.

Быдымс! – прорвалась рябая гладь под обрушившейся массой.

– Теперь я! – помогая себе руками, сквозь толщу воды к нам пробиралась Феофания.

– Потом я! – крикнула с берега Майя, только что вернувшаяся от сушилки.

Брызжущие плюхи высоко задираемыми ногами заставили многих взвизгнуть.

– И я хочу! – с обидой оглянулась на нее Александра, встряхнув длиннющими волосами.

Просто не успела сказать раньше.

На бережок из озера вылезла Кристина, последней доставившая рубашку, и умчалась вывешивать. Только пятки сверкали. Так говорится. Потому что сверкало другое.

– Раз, два, три-и! – отправили мы в небеса отчаянно взвизгнутую Феофанию.

– Игра убивает стеснение, – услышал я в ухе задорный шепот Варвары.

– Они же постирались, – так же ответил я. – Мне достаточно было прийти позже, когда никого...

– Одежде нужно сохнуть. Долго сохнуть.

– Я переждал бы где-нибудь.

На плечо оперлась ладонь Майи. Мы подняли ее, присевшую на корточки и опалившую мне лицо коснувшейся мягкостью. Одновременно с толчком Майя распрямила ноги и раскинула руки. Ангел. Через миг – падший ангел. Взорвавшаяся могучими брызгами вода поглотила летящее существо.

– Теперь Клара! – распорядилась Варвара, приостановив Александру, за которой выстраивалась очередь. – Клара, иди сюда.

– Я не хочу, – испуганно подалась назад наша самая мелкая царевна.

Она пряталась за чужими спинами, оттуда наблюдая за случившимся весельем.

– Надо! – объявила Варвара.

– Она же не хочет, – укорил я водяную командиршу.

– Клара – слабое звено, которое потянет за собой остальных, – шепнула Варвара. – Она самая стеснительная. Если решится Клара, все проблемы позади.

– Говорю же, могу пересидеть где-нибудь...

– Ночь на дворе. Долгая декабрьская ночь.

Милая, рассказал бы я тебе, что такое долгая декабрьская ночь.

– Завтра тебе командовать, вести нас. Нам нужен здоровый командир. – Подумав, Варвара добавила: – И защитник.

– Клара, давай, – подбадривали девочку подружки, выталкивая вперед. – Не бойся.

– Я не боюсь.

– А ощущение складывается, что боишься.

Той ничего не оставалось, как подойти. Взять «на слабо» – один из самых действенных способов воздействия на неокрепшие мозги.

– Живее, не задерживай, – провожали ее нетерпеливые русалки, жаждавшие новых впечатлений.

Впечатлений хватало. Особенно будоражило, что все это – только начало. Начало ночи, которую придется провести в ожидании, пока высохнет одежда.

Клара прикрывала ладонями верх как все ученицы. Плечи сторбились, опущенное лицо спряталось, что превратило их обладательницу в скрутившегося в комок ежа. Обрезанные по плечи мокрые волосы прилипли к щекам. Низенькая царевна делала шаг за шагом, страшась неотвратимости момента, когда придется развести руки, когда пальцы возьмутся за мое и Варварино плечо, и придется лезть на наши ладони, выходя из спасительной водной толщи полностью.

Отфыркиваясь, с другой стороны приблизилась матово светившаяся Ярослава. Эта ничего не стеснялась, еще и нагло колыхнула темными носиками, почти черными в ночи.

– Непередаваемо! – поделилась озерная нимфа, с которой текло, как с чучела в ливень, но столь чудесно струясь, искрясь и переливаясь, что я невольно повернул к ней голову.

Мое отвлечение было использовано, Клара вскочила на подставленные ладони, оттолкнулась и бросилась вниз. Думала, что вниз. Наши руки отправили ее в небо. Сказочная птица воспарила, инстинктивно раскинув руки, и оглушительно приводнилась.

– Теперь я! – бросилась к нам Александра.

– Теперь все. – Варвара подмигнула мне, как соучастнику.

Глава 4

Действительно, потом были все. Одна за другой. Мелькали разноразмерные ступни и ладони, колени и локти, спины и животы. Восторженные вопли сменяли смех, визг, фыркание и обрывавшиеся на середине захлебывавшиеся звуки. Летели брызги, на берег обрушивались волны. Вернулась и слетала в заоблачные ощущения завизжавшая от неслыханных эмоций Кристина. Отметилась второй раз Ярослава, прыгнув спиной назад и ликующе взбурлив воду фигурой в форме звезды. Феофания сделала в воздухе сальто. Майя животом легла на подставленные руки и потребовала запустить ее «стрелкой», что оказалось знакомым мне «ласточкой». Клара смогла получить от повторного прыжка удовольствие. Попривыкнув, она больше не робела, полускрытая ночною тьмой. Ножки спокойно встали на наших скрещенных ладонях, и царевна прыгнула одновременно с толчком, а вынырнув – сияла.

На посту сменили Амалию и Любаву, еще не постиравшихся, но застывших столбами и забывших, что пришли стираться. Завороженные видом летающих подруг, они конфузливо скинули грязное и пристроились в очередь.

– Устала, – объявила, наконец, Варвара. – Больше не занимать!

Отправив в полет последнюю очередницу, она обернулась ко мне:

– Не откажешь? – Ее холодная ступня поднялась на уровень моего живота.

Я машинально подставил ладони и присел, погрузившись по шею – для разгона-распрямления.

– Раз, два, три! – отсчитала Варвара.

Напружинив мышцы, при моем вставании она выметнулась из воды с одновременным изгибом назад. Красиво, хвост ей в перья. Водяная стена взбрызнула выше голов.

Ученицы отправились греться, а я в компании Амалии и Любавы взялся за приведение одежды в божеский вид. И удивился, заметив Варвару – она не ушла вместе со всеми.

– Ты чего?

Она показала свою рубашку. Точно, за разговорами и играми забыли.

Быстро сполоснув свое, Варвара предложила:

– Давай, помогу.

– Спасибо, обойдусь.

– Нет, помогу, – почти насильно она отобрала у меня рубаху, оставив мне разбираться с юбкой.

Амалия с Любавой с любопытством поглядывали на меня и Варвару. Ни слова не вылетело из наших уст. Я мыл, тер, полоскал, отжимал, снова мочил и оттирал илом. То же самое делала Варвара в полуметре от меня. Что ей движет? Ищет примирения? Вымаливает прощение? Зачем? Кто я ей? Особенно после отказа в замысловатом предложении себя как возможной спутницы жизни – согласной, невзирая на мое озвученное всем невесторство, которое она в грош не ставила, взять в качестве одного из будущих мужей. Это, наверное, должно внушать благоговение и радовать до истерики. Увы, не оправдал. Другие приоритеты.

Амалия и Любава потихоньку испарились, стараясь не мешать нашему напряженному молчанию.

Я вскоре закончил стирку. Не специалист и не волшебник, без моющих средств большего не смогу. Варвара тоже выпрямилась.

– Пойдем? – Я подал руку.

– Куда?

Варвара крепко схватила мою ладонь, вопреки менталитету не отказавшись от помощи... или просто от руки? Потемневшие зрачки магнитами потянули к себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.